

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

33

СОДЕРЖАНИЕ

Доразвилисьь...	1
<i>В. Пирожкова.</i> По поводу одной книги	3
<i>Кн. М. Романова.</i> Историческая копилка	10
<i>Д. Штурман.</i> Служба памяти	12
<i>А. Федосеев.</i> Бульдожья хватка	24
<i>Н. Воейков.</i> Правда о Московской Руси	27
<i>М. Гольдштейн.</i> Русская и советская музыка	29
<i>Протоиерей Д. Константинов.</i> Предательство	32
<i>В. Кобылин.</i> Цивилизация нашего времени	34
<i>Е. Кармазин.</i> Памяти Михаила Демина	36
<i>В. Рудинский.</i> Силы тьмы и света	39
<i>Е. Боголюбова.</i> 75-летний юбилей российских разведчиков	41
<i>В. Пирожкова.</i> Памяти С. Л. Войцеховского	42
<i>В. Рудинский.</i> Обзор зарубежной печати	43
Письма в редакцию	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 33

Июнь 1984

Мюнхен

ДОРАЗВИЛИСЬ...

“— Это, душечка, кат...”

(Н. В. Гоголь, “Тарас Бульба”)

Более четверти века тому назад в Мюнхене вышла приуроченная к двадцатилетию пика “Большого террора” брошюра А. Днепровца (скорее всего — псевдоним) “Ежовщина”¹. В ней, в частности, красочно описаны расстрелы, производившиеся в те времена в г. Днепропетровске:

“Казни происходили по ночам в гараже НКВД. Никто туда не допускался, кроме нескольких членов НКВД, двух шоферов и дежурного по гаражу. Прямо из “черного ворона” приговоренных к расстрелу одного за другим вытаскивали в секцию для мойки машин со связанными руками и с резиновой грушей во рту. Их расстреливали в упор из мелкокалиберных винтовок. После казни дежурный смывал кровь в гараже шлангом, и наутро никому в голову не могло прийти, что происходило здесь ночью.

Эти расстрелы работники НКВД называли “свадьбами”. Участие в расстрелах было строго добровольным и носило характер садистского спорта. Энкаведисты были пьяны или же находились под действием кокаина. Убитых сваливали на грузовик и, накрыв брезентом, отвозили на местное кладбище”².

Автор брошюры перечислил пофамильно нескольких таких “исполнителей”-добровольцев.

В течение последующих двадцати лет появились на разных языках такие разносторонние материалы, как “Большой террор” Р. Конквеста, “Архипелаг ГУЛаг” А. Солженицына, “Тайная история сталинских преступлений” А. Орлова и масса других книг, на фоне которых брошюра Днепровца была всерьез и на-

долго забыта. Но с конца 1970-х гг. интерес к ней неожиданно возобновился. Среди перечисленных фамилий добровольцев-палачей в ней оказалась одна, в пору издания брошюры не значившая ровным счетом ничего: **ЧЕРНЕНКО.**

Инициалов этого расстрельщика А. Днепровец не привел. Но советская информационная служба оказала нынешнему генсеку и главе советского государства поистине медвежьёю услугу. Сперва она совершенно игнорировала сообщения зарубежной эмигрантской печати, а когда Константин Устинович “достиг высшей власти”, не позаботилась даже создать мало-мальски правдоподобную версию о его местопребывании и деятельности в конце 1930-х годов, оставив этот период его биографии “белым пятном”. А зарубежные историки кропотливо собирали годами^{3 4}, по мере его возвышения, факты, в основном из советской открытой печати, сопоставляли их и постепенно нашли немало “следов”⁵ и свидетельств, позволивших с достаточной определенностью утверждать, что тогдашний участник кровавых расстрельных оргий, заместитель начальника отдела кадров Днепропетровского областного управления НКВД и теперешний руководитель партии и страны — одно и то же лицо.

На протяжении веков должность палача считалась самой презренной. Хотя палачам, как правило, платили хорошо (а кто бы иначе брался за такую работу?), они были поставлены вне общества. С палачом никто не рождался, кроме членов семей других палачей. Вино ему принято было наливать левой рукой. Провинциальный палач мог рассчитывать на перевод в столицу, но ни о какой иной должности даже помышлять не мог.

¹А. Днепровец, “Ежовщина”. Изд. ЦОПЭ (Центральное объединение политических эмигрантов). Мюнхен, 1958.

²М. Агурский, Кто такой Черненко? “Посев” № 7, 1979.

³М. Агурский, Еще раз о биографии Черненко “Посев” № 7, 1982.

⁴А. Ряднов, Кучер на облучке. “Посев” № 3, 1984.

⁵“Правда” от 21 ноября 1972 г. Некролог Задонченко.

Полтора века тому назад в одном из европейских мини-государств возникла трудная проблема с казнью преступника из-за отсутствия профессионального палача. Герцог хотел было использовать в качестве такового одного из солдат своей мини-армии. Но его военный министр категорически воспротивился:

— Солдат — не палач. Палач — не солдат, — категорически заявил он правителю, пригрозив немедленно подать в отставку.

Может быть, это всего-навсего легенда. Но она достаточно хорошо отражает общественный дух и мораль тех далеких времен.

Советская, "самая передовая", идеология давно покончила с этой феодально-буржуазной моралью.

О крупном советском военно-чекистском деятеле, впоследствии дипломате, Розенгольце (в 1930-е гг. самом приговоренном к смерти на одном из больших процессов) его бывший сотрудник А. Д. Нагловский рассказывал Р. Гулю⁶:

"Комплектуя штат политуправления наркомата (т. е. министерства — Ред.) путей сообщения, Розенгольц спрашивал:

— Сколько контрреволюционеров вы расстреляли собственноручно?"

Перебежавший в 1930-м году на Запад видный деятель ОГПУ Г. Агабеков, когда его там спросили, приходилось ли ему лично расстреливать, не стесняясь ответил: "Это делается очень просто. Вам говорят, что это враг, которого вы должны уничтожить".

Выехавший в 1978 г. из Советского Союза крупный физик-ядерщик С. Поликанов в книге своих мемуаров "Разрыв" пишет об отставных энкаведистах, рассеявшихся на административных должностях в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне под Москвой. Среди них имелись и бывшие расстрельщики, под мухой, а то и трезвыми обсуждавшие приемы "исполнения" и хваставшие своими палаческими "подвигами".

В одной мрачной старой балладе, передающей откровения средневекового палача, есть такая строфа:

"Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача.
Не брал бы вовсе в руки
Тяжелого меча".

Советские "органы" разрешили и эту проблему, устраивая из расстрелов кровавые балаганы для своих сотрудников.

Знали ли и знают ли днепропетровские и московские коллеги нынешнего генсека о его прошлом? Конечно, знали, начиная с его покровителя Брежнева; не могли не знать. И

это, как мы видим, их ничуть не отвращало от него — даже при его последнем избрании.

Когда-то Виктор Гюго поставил вопрос: "Кто заслуживает большего презрения, чем палач?". И сам же ответил: "Это лакей палача".

Итак, главным идеологом, руководителем партии и страны развитого социализма стал человек, объединяющий в себе партаппаратчика, гебиста и вдобавок еще бывшего палача в прямом смысле этого слова.

При всей своей "серости" Черненко превосходно понимает, какую опасность для партократии представляют и теперь последствия хрущевских экспериментов и "оттепелей" той эпохи.

Отменить официально принятую XXII партсъездом программу построения материально-технической базы коммунизма в СССР брежневско-сусловское руководство так и не решилось. На июньском пленуме ЦК КПСС в 1983 году Черненко решительно раскритиковал бытовавшее "в определенный период... облегченное представление о путях и сроках перехода к высшей фазе коммунизма". И далее: "Торопя, так сказать, *нашу мечту*, иные теоретики, пропагандисты как бы сглаживали неровности пути, по которому мы идем..." (Курсив ред.)

Так то, что было двадцать два года "научной" программой КПСС, вмиг превратилось в "мечту". А с мечты какой спрос?

В 1960-е годы советская официальная наука (чуть раскрепощенная Хрущевым с целью задействовать с ее помощью преимущества социалистического строя и его плановой экономики — в соответствии с марксистско-ленинским учением) успела вплотную подойти к выводу о несостоятельности полностью централизованной экономики по сравнению с конкурентно-рыночной; а неофициальная подпольная — смогла строго доказать этот вывод и расставить все точки над многочисленными "и" его следствий.

Теперь же на фоне все большего экономического застоя и даже регресса в Советском Союзе нет-нет да и возникают попытки объяснить советским вождям его причины и уговорить их согласиться хоть на какую-то, как угодно подконтрольную им, децентрализацию. Но советские вожди отлично понимают, куда их может в конце концов отбросить любая децентрализация, любой "самотек". И не строят себе иллюзий. Они давно уже отказались от экономического соревнования со свободным миром, и, сделав ставку на уничтожение демократии внеэкономическими средствами на всей планете, усиливают всестороннюю борьбу против нее — но так, чтобы не вызвать при этом глобального столкновения, чреватого мировой термоядерной катастрофой.

И на том же июньском, 1983 года, пленуме

⁶Р. Гуль, Я унес Россию. Т. 2, Россия во Франции. "Новый журнал" № 153. Нью-Йорк, 1983.

Черненко не на шутку предостерегает советских ученых: "Но есть истины, не подлежащие пересмотру, проблемы, решенные давно и однозначно..."

Что верно, то верно. Не подлежащие пересмотру. Давно и однозначно — в памятные двадцатые и тридцатые годы. И достаточно строго — добавим мы. Последние аргументы были — затычки в рот и пули в головы оппонентам.

Не случайно Черненко так беспокоят попытки научного анализа советского строя с общих системологических позиций. Видимо, он уже знаком с их выводами. Недаром он, как из винтовки, громыхнул на том же июньском пленуме: "Ведь давно известно, сколь малопродуктивны попытки механического перенесения понятий и методов естественных и технических наук на область общественных явлений, упрощенное толкование взаимоотношений природы и общества, что, по сути дела, мешает укреплению плодотворного сотрудничества этих наук с обществоведением".

Во внутренней политике Черненко, по-видимому, будет поддерживать status quo, используя плоды андроповского предсмертного законотворчества, но не задевая серьезно **самые** верхи выдвинувшей его олигархии. При этом он попытается опустить пониже железный за-

навес и усилит идеологический нажим в соответствии с потребностями "развитого социализма".

Во внешней политике — будет комбинировать демонстративную жесткость с попытками вызвать на Западе снова односторонний детант, принесший во времена брежневского правления Советскому Союзу не меньше завоеваний, чем вторая мировая война, но чужой кровью.

А если "развитый социализм", угрожая термоядерной катастрофой — и минувя ее, принудит к капитуляции последние на Земле очаги демократии, наследники Черненко смогут вполне объявить всемирную "большую зону" коммунизмом, причем построенным в мировом масштабе, а ее обитателей — осчастливленным ими человечеством. Ибо сравнивать будет не с чем и не по чему, а вскорости и некому. Уж в чем-чем, а в резиновых грушах и расстрельных патронах недостатка не будет. Да и в "исполнителях"-добровольцах — тоже.

Понимали ли это господа полномочные представители стран свободного мира, поздравляя с избранием нового руководителя партии и советского государства? Знали ли они, что за руку они пожимали?.. Начисто ли отмыли потом свои?

Редакция

В. ПИРОЖКОВА

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ

Часть II

Представив читателю в № 32 "Голоса Зарубежья" необычный жизненный путь автора книги "Склонен к побегу" Юрия Александровича Ветохина, мы пообещали проанализировать его взгляды. Во всех, прочитанных нами до сих пор рецензиях на эту книгу о взглядах автора или не говорится ничего, или же рецензент вырывает и цитирует тот кусочек, который близок к его собственным взглядам. Мы же думаем, что наша обязанность перед автором — присмотреться к этим взглядам более внимательно.

Автор пишет, что они формировались у него в тех ужасных условиях психушки, о которых мы вкратце рассказали в № 32 журнала. Ю. Ветохин даже сказал себе, что он не смеет думать о свободе, пока не решит для себя ряда важнейших вопросов. На взгляды, выкристаллизовавшиеся при **таких** условиях, мы не можем не отозваться. Обойти их просто молчанием, как делает большинство рецензентов, не представляется возможным. С другой же стороны, серьезность, с какой размышлял обо всем этом автор, и его мужество не позволяют нам ограничиться лишь выискиванием

мыслей, с которыми мы согласны. Нашу обязанность перед автором мы видим в серьезном и критическом рассмотрении его взглядов, которые, конечно, не могли сложиться в стройную систему — как бы это было возможно при таких страшных условиях? Критика того, что автором, по нашему мнению, недоработано или даже просто неправильно понято, поможет ему еще раз обдумать то, что он написал, теперь уже в свободных и благоприятных условиях.

С таким намерением мы и приступаем к анализу взглядов Ю. Ветохина.

Прежде всего мы должны отметить его глубокую веру в Бога. Эта вера была настолько, так сказать, правильно поставлена, что Ю. Ветохин имел внутреннюю силу перед приемом страшной таблетки, которую ему хотелось и даже для сохранения здоровья было необходимо не проглотить, а незаметно выплюнуть, молиться не о том, чтобы Господь помог ему в этом, а говорить: "Господи, да будет воля Твоя" (см. № 32, стр. 32). Это — единственно правильная молитва во всех случаях жизни. Мы просим Господа часто испол-

нить то или другое наше желание, часто очень хорошее не только на наш взгляд, но и вообще по человеческим соображениям и меркам. Но нам доступно обозрение такой незначительной части действительности, что мы никогда не знаем, действительно ли правильно, хорошо и нужно для нас самих или для любимых нами людей то, о чем мы молимся. Один Господь всегда безошибочно знает, что нам на самом деле "на потребу". Поэтому самая правильная, самая глубокая молитва как раз заключается в том, что мы соединяемся в ней с волею Божией и молимся о том, чтобы Его воля исполнилась и по отношению к нам, и по отношению к нашим близким, и по отношению ко всему миру: "Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли". Тем не менее нужны глубокая вера и огромное мужество, чтобы в таких условиях и перед лицом таких страшных последствий так безоговорочно предавать себя в руки Господа. Ю. Ветохин не забывал также сейчас же поблагодарить Господа, если ему удавалось избавиться от ядовитой таблетки. А как часто мы как раз благодарность-то и забываем!

Соответственно этому первая глава части книги "Размышления советского заключенного" называется "О Боге". Автор говорит здесь, что каждый человек получает свою индивидуальность от Бога, и он получает всегда какие-либо таланты или, как говорит автор, преимущества, дающие ему возможность достичь хоть в чем-нибудь успеха. Мы вспоминаем евангельскую притчу о талантах. Но когда Ю. Ветохин перечисляет некоторые преимущества отдельных людей, он, как нам кажется, сопоставляет не совсем сопоставимое. Он пишет: "Мне, например, Бог дал способность плавать как рыба, Муравьеву — доброту, а Фетишеву — необыкновенную стойкость и несгибаемость в тяжелых испытаниях" (стр. 507). Если здесь под "добротой" подразумевается природное добродушие, то мы не возражаем. Однако такое природное добродушие не всегда в жизни дает хорошие результаты. Настоящая же и активная доброта приобретается христианином в борьбе с самим собой при помощи Господа. Сам же автор вспоминает стихи Есенина:

"Примиришь лишь в сердце со врагом -
И тебя блаженством ошафранит!"

(стр. 509)

Мы добавим: и тем более, чем менее добродушна твоя натура, т. е. добродушный и пассивный человек часто примиряется сразу же со врагом по безразличию и индифферентности ко злу. Но это совсем не то, что требуется от христианина. Он должен быть очень чуток ко злу, особенно причиненному другим, а не ему самому, и, тем не менее, преодолевая себя, не питать злобы к человеку, лично его обидевшему.

Ю. Ветохин приводит ряд указаний на то, почему трудно представить себе, что Бога нет. Он указывает на то, что никто, самый мудрый человек, не может познать Истины во всем ее объеме. Истина как бы объемистая фигура, человек же видит всегда только одну или несколько ее граней. Один только Бог видит всю истину. "Вера человека, основанная на сверхъестественной подсказке его религиозной совести, может приблизить его к пониманию всей объемистой фигуры Истины. В то же время неверующий человек становится легкой добычей всякого рода философов, которые строят свои теории, основываясь на одних только видимых ими гранях объемистой фигуры", — справедливо пишет Ветохин. Он добавляет: "От них можно услышать, что якобы наука противоречит религии. Я думаю, что просто не пришло еще время, когда науке станут доступными все ранее невидимые грани объемистой фигуры, в результате чего кажущиеся противоречия исчезнут" (стр. 508). На это следует ответить, что науке, т. е. человеку, все грани никогда не станут доступны, о чем правильно пишет сам Ветохин. Что же касается до кажущихся противоречий между наукой и религией, то они давно уже прошли. Только в Советском Союзе их уныло повторяет антирелигиозная пропаганда. Крупные ученые — все верующие, и наука 20-го века, в противоположность науке 19-го века, сильно приблизилась к Богу и к вере в Него.

Совершенно прав Ю. Ветохин, когда он пишет, что совести, например, неоткуда было бы взяться, если б не было Бога. "Кто заложил в душу человека тяготение к добрым делам и отвращение к злым? Почему человек получает удовлетворение от любви и сострадания?" (стр. 508 — 509). В самом деле, атеисты никак не могут объяснить, каким образом появились у человека стремления к добру, понятие справедливости и многое другое. Самые эти понятия не могли бы возникнуть из неорганической материи, думать так — полная бессмыслица.

Прав также автор, когда пишет: "Вся коммунистическая пропаганда рассчитана на привлекательность Зла и на тот эрзац радости, который испытывает злая половина человеческих душ после совершения злых дел" (стр. 511). На это можно возразить, что коммунисты рисуют будущий рай на земле и привлекают к себе не пропагандой зла, а обманом, одевая зло в личину добра. Тем не менее, мы думаем, что автор все же прав. Это то, что Вышеславцев называл "игрой на понижение" марксизма. Все духовное, все высокое объясняется лишь функцией низшего, материального, а в обществе — экономического начала (которое, однако, только отчасти и не в главном материально). Мы не станем отрицать, что личина добра, которую надевает комму-

низм, может привлечь и хорошие неопытные души, но ненадолго. Тот, кто остается при коммунистических убеждениях, вряд ли стремится к добру.

Ю. Ветохин приводит ряд случаев из своей жизни, которые для него лично подтвердили существование Бога. Мы согласны с ним и сами можем привести многие случаи из нашей жизни, но они убеждают человека, душа которого уже открыта для веры. Человек, который не хочет верить, перетолкует все иначе.

Прав Ю. Ветохин также и в том, что человек должен искать своего назначения, понять, какой путь ему готовит Бог. "Я думаю, что уклонение от поисков своего назначения на земле — большой грех перед Богом", — пишет Ю. Ветохин (стр. 512).

Прав он также, когда пишет, что молиться можно везде, но в церкви это происходит по-особому. Тут же Ю. Ветохин утверждает, что молитва — не самое главное в нашей жизни, что Бог "ждет от нас дел, которые только и могут показать наше Ему послушание и могут быть зачтены Им" (стр. 513). Мы думаем, что здесь Ю. Ветохин отходит от своих же слов, что у каждого человека свое назначение. Он обобщает. Так же не совсем прав он, когда пишет, что молиться легко. Нет, истинно молиться очень даже трудно. Он пишет: "Так, например, много людей молится за свержение безбожной коммунистической власти в России и многие призывают к борьбе, но сами остаются в стороне от этой борьбы" (стр. 513). Во-первых, молиться и призывать к борьбе — две совершенно разные вещи. Во-вторых, мы, увы, сомневаемся, что многие истово молятся о свержении безбожной власти. Может быть, как раз наоборот, слишком многие полагались до сих пор именно на борьбу словом и делом и слишком мало молились.

Отвлечшись от этого специального вопроса, скажем, что назначение на земле людей разное. Одних Бог назначил проводить большую часть своей жизни в молитве, это, в первую очередь, монахи и монахини. Ю. Ветохин пишет, что только те, кто фактически сражается, будут именоваться "самыми главными и самыми заслуженными". Вопрос только, кем именоваться? И перед кем они будут заслуженными? Если перед Богом, то нужно сказать, что Он Сам выберет самых заслуженных, среди которых, конечно, будут и великие в своей молитве, и замученные за веру Христову, и воины, но не одни только воины. Так или иначе, никто из нас не может предписывать Господу, кто перед Его очами особенно заслуженный. А сражаться с оружием в руках можно ведь только тогда, когда к тому есть практическая возможность, иначе получится донкихотство. И Ю. Ветохин не пошел воевать с оружием в руках, хотя уже находится несколько

лет на свободе, а пытается пока сражаться оружием слова, именно своей книгой.

Нам кажется, что и здесь, как и во многих местах своих рассуждений, Ю. Ветохин высказывается суммарно, недостаточно дифференцированно и слишком аподиктично.

Но в одном мы с ним **вполне согласны**, это в том, что он отрицает столь модное ныне среди диссидентов непротивленство. "Неправильно было бы считать, — пишет Ветохин, — что Бог — пацифист в людском понимании. Недаром православные имеют даже святых покровителей ратных подвигов — Архангела Михаила и Святого Александра Невского. Борьба с оружием в руках за правду — богоугодное дело" (стр. 514). Отметим только, что архангела Михаила почитают все христиане, а не только православные, и что архангел и человек святой жизни, канонизированный Церковью, — не то же самое.

В своей главе "Альтернативный принцип ведения войны" Ю. Ветохин дает неожиданный совет. Оставим в стороне его тезис, что руководители КПСС сознательно подводят мир к третьей мировой войне, т.к. без нее они не достигнут своей цели — насильственного внедрения коммунизма во всем мире. Мы думаем, что руководители КПСС хотели бы достигнуть этой цели без рискованной и для их господства мировой войны, лишь мелкими войнами, пропагандой и шантажом. Мы не уверены в том, что им это не удастся. Но он, безусловно, прав, утверждая, что в случае такой войны погибнут миллионы ни в чем не повинных людей, хотя мы сомневаемся в правильности его утверждения, что если даже была бы уничтожена вся советская армия, то КПСС создала бы такую армию из стариков, инвалидов и детей. Подобные армии уже не боеспособны. Это мы видели, когда Гитлер попытался создать "фольксштурм". Атомное же оружие, по всей вероятности, применено не будет. Тем не менее новая мировая война принесла бы огромное количество жертв, крови и слез населению всех стран.

И вот Ю. Ветохин предлагает альтернативный метод борьбы. Принцип ее совершенно правилен: он говорит, что Советский Союз нельзя рассматривать как монолит. "Из всех этих образований выделяются коммунисты, составляющие 6% от всего населения России, и впрямь считаются террористами, а все остальные 94% населения — заложниками. Поэтому и методы борьбы следует использовать такие, какие применяются против террористов" (стр. 517).

Ветохин предлагает развить оружие, которое идентифицирует отдельных лиц или отдельные группы и поражает только их. Такое будущее оружие он называет "идентифицированное оружие" или ИО. Этим оружием следует поразить лишь руководство на разных

уровнях, начиная с Политбюро. "Я убежден в том, что идентификация и поражение коммунистов машинным способом возможны при современном уровне развития кибернетики, хотя исследовательские работы потребуют огромных усилий" (стр. 518).

Ю. Ветохин — инженер-кибернетик, я же совсем не специалистка в этой области. Поэтому я и не могу судить, возможно ли что-либо подобное технически. Конечно, это было бы простое решение вопроса. При этом совсем не нужно опускаться до четвертого уровня Ветохина, т.е. до простых членов КПСС: поражение верхушки вызвало бы уже такую панику, что возможен был бы переворот — в предположении, однако, что были бы настоящие оппозиционные силы в стране.

Боюсь, однако, что такое решение натолкнется на непреодолимую психологическую преграду в свободном мире. 1. Слишком многие отождествляют Россию с Советским Союзом и рассматривают все именно как монолит. Этот взгляд возник постепенно. Европейские страны и особенно США долго не признавали коммунистическое правительво. США признали его лишь в 1934 г. Тогда западные политики делали различие между партийной диктатурой и народом. Вторая мировая война много помогла тому, что это различие сгладилось. Тем не менее, в первое время моей эмиграции, по крайней мере, в Германии, еще довольно ясно различалось между правительством и народом. Аденауэр всегда говорил "советы" и "Советский Союз". Шмидт, став канцлером, первый совсем перестал употреблять термин "советы" и говорил лишь "русские" и "русское правительство". Во всем свободном мире развитие идет в сторону, противоположную той, какую и мы считаем не только правильной, но единственно спасительной для свободного мира. Левые диссиденты свели совсем на нет всю ту работу, которую вели эмигранты первой и второй эмиграции среди иностранцев, настаивая на разнице между Россией, ее населением, и коммунистической диктатурой. Левые диссиденты пытаются вывести коммунизм из русской истории, а не из все еще милого их сердцу марксизма. 2. Политики и пресса свободного мира давно признали коммунистических правителей своими коллегами по власти. Такова и терминология, например: "Французский министр иностранных дел встретился со своим советским коллегой" (т.е. с Громыко). Политики свободного мира все еще мечтают договориться со своими советскими "коллегами" о *modus vivendi*. Когда большевики захватили власть, они представлялись миру узурпаторами, захватчиками, террористами. С ними предпочитали не разговаривать. Но уже очень скоро "двойная стратегия" Ленина возымела успех. Время сделало также свое дело. Если захватчик и узурпатор

достаточно долго остается у власти, он в глазах остального мира становится законным правителем.

Мы опасаемся, что предложение Ю. Ветохина не найдет отклика среди политиков и творцов общественного мнения в свободном мире.

В главе о диссидентах Ю. Ветохин отзывается о них не очень положительно. Он имеет в виду, в первую очередь, тех, кто хочет основываться исключительно на советской конституции и требует лишь выполнения того, что в этой конституции записано. Мы уже не раз указывали на то, что это не борьба против советского режима, особенно если эти диссиденты находятся уже в свободном мире. Укажем хотя бы лишь на статью Доры Штурман "Законопослушный бунт" в № 24 "Голоса Зарубежья". Ю. Ветохин пишет следующее: "Имеется и еще одна отрицательная сторона деятельности диссидентов. Она заключается в том, что сам факт существования диссидентов и широко освещение их правозащитной деятельности в западной печати в конечном счете укрепляет авторитет самозванных коммунистических правительств. Обращение диссидентов к коммунистическим вождям с жалобами и петициями возводит этих вождей в ранг законных народных правителей, а наличие легальной оппозиции в коммунистических странах (диссидентов) и их требование лишь легких реформ как бы подтверждают то, что коммунизм стал вполне презентабелен и может занимать достойное и равное положение в среде других общественных формаций мира" (стр. 519).

Мы согласны со всем тем, что пишет Ю. Ветохин в этом абзаце. Мы не раз уже указывали также на то, что коммунистам надо было создать что-то вроде легальной оппозиции как "неантагонистическое противоречие", если они хотели оставаться верными марксизму. Мы писали об этом в № 9 "Голоса Зарубежья". Но при Андропове эта деятельность диссидентов была сильно урезана. "Легальная оппозиция" перенесена преимущественно за границу в лице многих диссидентов, которым было разрешено выехать легально. При этом мы хотим еще раз настоятельно указать на то, что пока диссиденты находятся на территории Советского Союза, трудно от них ожидать, чтобы они ясно видели и понимали всю ситуацию. Нам кажется, что их трудно обвинять, что они пробуют протестовать лишь в рамках конституции, хотя на самом деле это даже вообще не протест. Хуже то, что некоторые из них и выехав за границу стараются не выходить за рамки советской конституции.

Глава "О будущем устройстве Свободной России", на наш взгляд, наиболее спорная.

Сначала, указывая на то, что возрождение России должно произойти на почве правосла-

вия, Ю. Ветохин хочет сделать православие государственной религией. "Это не значит, что другие религии будут запрещены в Свободной России. Наоборот, должны быть разрешены все другие, не аморальные религии, и между собой они должны быть равноправны. Но государственной религией должно быть Православие" (стр. 522).

1. Здесь бросается в глаза новая, необычная терминология. До сих пор всегда говорилось о христианской религии, в которой есть разные **вероисповедания** и секты, и затем о других религиях, как, например, иудаизм, мусульманство, буддизм и др. Ю. Ветохин, однако, относит христианские вероисповедания, отличные от православия, к другим религиям и ставит их на одну линию с нехристианскими религиями. Такое резкое отмежевание от христиан других вероисповеданий в наше время, когда, наоборот, наблюдается тенденция сближения христиан с целью совместной борьбы против богоборческого коммунизма и других страшных идеологий нашего века, мы приветствовать никак не можем. Конечно, эта неправильная терминология могла появиться у Ю. Ветохина по незнанию. Пишет же он на странице 514 следующее: "Эта стратегия может быть иллюстрирована русской пословицей: "Око — за око, зуб — за зуб". Приведенное выражение, однако, не русская пословица, а библейское правило. "А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб" (Исход, 21, 23—25). "Кто делает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал. Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать" (Левит, 24, 19—20). "Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу" (Второзаконие, 19—21). Но Иисус Христос сказал другое: "Вы слышали, что сказано: "око за око, зуб за зуб", а Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобой и отнять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся" (Мф. 5, 38—42). Так что народу, желающему возродиться в христианстве, придется отказаться от вышеприведенной "пословицы". Отметим только, что человек может не сопротивляться злему относительно лично себя, но не имеет права не защищать другого, более слабого. Поэтому "непротивленчество" не может стать общим правилом поведения общества, об этом мы уже писали и соглашались в этом пункте с Ю. Ветохиным.

2. Что понимает Ю. Ветохин под тем, что

православие должно быть государственной религией? Между Церковью и государством могут быть три типа отношений: а) разделение Церкви и государства, б) подчинение государства Церкви, в) подчинение Церкви государству. В дореволюционной России имело место последнее, особенно после уничтожения патриархата Петром Великим.

Славянофилы, которым уж никак нельзя отказать ни в истинном православии, ни в духе рускости, как раз горько сетовали по этому поводу. Приведем лишь несколько небольших отрывков из сочинений Ивана Сергеевича Аксакова, сына писателя С. Т. Аксакова и видного славянофила, так сказать, второго поколения, дожившего до 1885 г. (основатели славянофильства А. Хомяков и И. Киреевский умерли один в 1860, другой в 1856 г.). Вот эти отрывки: "В табели о рангах указано место и для церковной иерархии, к духовному достоинству применено общее государственное мерило, и различие даров Св. Духа принято было за основание для государственной расценки. Высшая епископская благодать признана соответствующей генеральскому достоинству и образовала так называемый духовный генералитет: митрополиты приравнены к полным генералам, архиепископы к генерал-лейтенантам, епископы к генерал-майорам. Низшая степень благодати, принадлежащая иереем, оценена, разумеется, ниже — от полковничьего до майорского чина... Но с организацией самого управления — т. е. с организацией пастырства душ на начале государственного формализма, по образу и подобию Государства, с причислением служителей Церкви к сонму слуг государевых — не превращается ли сама Церковь в одно из отправлений, не становится ли и она одной из функций государственного организма — говоря отвлеченным языком, или, говоря проще, — не поступает ли она и сама на службу Государству?" (И. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 119—125).

Хуже, чем это, было то, что государство считало нужным охранять Церковь от потери части паствы **государственными мерами**. Мы говорим не об охране Церкви от яростных нападков на нее тех, кто желал бы ее разрушить. В этом случае государство должно ее охранять, даже если существует разделение между Церковью и государством. Мы говорим об охране целостности числа паствы. Так, до 1905 г. было запрещено православным переходить не только в другие религии, но и в другие христианские вероисповедания. Если был смешанный брак между православным или православной и христианкой или христианином другого вероисповедания, дети должны были быть крещены в православии, независимо от желания родителей. За нарушения полагались **государственные наказания**: конфис-

кация имущества и ссылка в Сибирь. В 1905 году царским Манифестом была объявлена полная свобода религий, т.е. и свобода перехода. Но она соблюдалась не очень хорошо. Так в 1914 году был сослан в Сибирь первый русский католический епископ Леонид Федоров.

И об этом сетовал И. С. Аксаков. По поводу преследования одной протестантской секты (если русские становились протестантами, то имел место переход из православия, что каралось законом) он писал: "Отучать острогом от алкания духовной пищи, не предлагая взамен ничего; отвечать острогом на искреннюю потребность веры, на запросы недремлющей религиозной мысли; острогом доказывать правоту православия — это значит посягать на самое существенное основание святой веры — основание искренности и свободы, подкапываться под самое вероучение православной Церкви и давать в руки своему противнику, протестантизму, победоносное оружие" (там же, стр. 72).

Можно еще многое сказать о подчинении Церкви государству, но мы подождем. Мы хотим услышать от Ю. Ветохина, что означает в его понимании то, что православие должно быть государственной религией, как, по его мнению, это требование должно проявляться **конкретно** в жизни государства, общества и Церкви. Когда он раскроет этот свой тезис, мы напишем, с чем мы согласны, а с чем не согласны и почему.

Далее Ю. Ветохин требует свободы частной собственности, с чем мы вполне согласны, и пишет: "Свобода религии и частная собственность обеспечивают свободу человека" (стр. 522). Мы с этим вполне согласны, но мы считаем, что свобода религии плохо совместима с государственностью **одного** вероисповедания, будь оно прекрасное и для России традиционное. И без того русский народ, если он вернется к христианству, в своем большинстве вернется, очевидно, к православию.

Ю. Ветохин хотел бы, чтобы государство особо поддержало крестьян, так тяжело пострадавших. Мы **очень** подчеркиваем это желание и целиком к нему присоединяемся.

Ю. Ветохин стоит за помощь жертвам коммунизма, в чем мы ему также весьма сочувствуем, и строгого наказания коммунистов. Мы считаем, что за одну принадлежность к партии наказывать не следует, но настоящих коммунистических преступников наказывать следует, но только не их кровных родственников, как этого хочет Ю. Ветохин, даже если они пользовались привилегиями. Разыскивание коммунистических преступников по всему миру представляется нам сомнительным.

Теперь мы подходим к тому пункту у Ю. Ветохина, с которым мы совершенно не согласны.

Ю. Ветохин считает, как многие, недавно приехавшие из СССР, что каким бы путем ни была свергнута коммунистическая диктатура, сначала надо установить авторитарный режим. Он пишет: "Если выборы устроить сразу после революции (Ю. Ветохин предпочитает революционный путь освобождения России. — В. П.), то к власти могут прийти лгуны, демагоги и краснобаи, и жизнь народов при их правлении не улучшится, а революция будет погублена. Необходим срок от 3 до 5 лет, в течение которого под руководством людей, возглавивших революцию, народ будет приобщен к основным религиозным и политическим ценностям, а также познакомится с нефальсифицированной историей Российского государства. Только после этого можно будет разрешить деятельность политических партий, которые не связаны с марксизмом или атеизмом и не проповедуют свободу секса и половых извращений. За этим могут последовать выборы в Учредительное Собрание, которое в свою очередь предложит форму государственного правления" (стр. 525).

Это — самое наивное из того, что Ю. Ветохин написал. К каждой фразе здесь можно поставить вопрос. 1. Лгуны, демагоги и краснобаи могут прийти к власти при свободных выборах и через 5, и через 15 или 50 лет. Никакой гарантии от этого нет. 2. Защита "завоеваний революции" — это и есть самый страшный аргумент, который всех революционеров заставляет продлевать свою диктатуру до тех пор, пока они это фактически могут сделать. Бывают исторические ситуации, "тупиковые", по терминологии Доры Штурман, когда революция оправдана, если для нее есть фактические предпосылки, т.е. если она может рассчитывать на успех. Но те, кто эту революцию сделает, являются самыми непригодными правителями после революции. Это показывает не только история, но и даже самый поверхностный психологический анализ. Революция в белых перчатках не делается. Если революция против такого жестокого режима пройдет успешно, то от революционеров потребуется напряжение всех их сил, мужество, риск своей жизнью. Те, которые не погибнут, а останутся во главе, конечно, захотят во что бы то ни стало создать именно такой строй, который им представляется наилучшим, они именно не захотят выпустить из своих рук достигнутого. Может быть, в самый первый момент, еще не попробовав как следует неограниченной власти и совсем не привыкнув к ней, они и смогут передать власть представителям той системы управления, которую они сами считают наиболее приемлемой. Но, привыкнув к неограниченной власти, они ее вряд ли выпустят из рук, тем более, что аргумент, как бы при свободных выборах не пришли к власти демагоги, останется в силе,

как я уже указала, и через 50 лет. "Отстаивать завоевания революции" входит очень скоро в привычку и превращается неизбежно в отстаивание своей собственной неограниченной власти. Тем более, что у Ю. Ветохина имеется и следующее высказывание: "... русский народ на первых порах добровольно передаст своему народному правительству часть своих гражданских прав — с целью усилить это правительство на мировой арене" (стр. 523—524). И тут возникает масса вопросов: а) Какое правительство следует назвать народным? Кто установит критерии "народности", и кто решит, народное ли данное правительство или нет? Вот А. Зиновьев, например, считает, что правительство Сталина было народным. И уж совсем наверно **каждое** правительство, которое придет к власти, назовет себя "народным". И, если это будет диктатура, то никто и пикнуть не посмеет, что это правительство не народное! б) **Какие именно** гражданские права несчастный русский народ снова должен будет отдавать новой диктатуре? Лиха беда начало, если новое "народное" правительство начнет требовать от народа отказаться от гражданских прав, то очень скоро от этих прав останутся рожки да ножки, да и то, пожалуй, лишь на бумаге. в) Каким образом ущемление гражданских прав народа усилит новое правительство на мировой арене? Престиж его от этого, конечно, не увеличится, а если лишение прав нужно для гонки вооружений и чисто военной силы, то... нужно ли свергать советское правительство? Ю. Ветохин сильно нападает на националистов малых народов, живущих на территории Советского Союза. Но ведь и русский национализм, если он был голым национализмом, т.е. не включал в себя других ценностей, вел к отрицательным результатам! Ю. Ветохин, вероятно, не знает, что вся история эмиграции пронизана превращением ультра националистов в совпатриотов именно на основе военной мощи Советского Союза. Эти люди считали, что коммунисты превратили страну в мощную державу, усилив ее престиж на мировой арене, и это — главное. А то, что народу приходится поступаться гражданскими правами ради этой мощи, — это уже второстепенное (см. мою статью "Искушение государственников и националистов" в № 11 "Голоса Зарубежья").

Нет, мы, напротив, надеемся, что после революции, если таковая будет, народ никакому новому правительству НЕ отдаст никакой части своих гражданских прав! Довольно уже!

Но вернемся к анализу того отрывка, который мы привели выше. Трогательна вера Ю. Ветохина в то, что будущие революционеры будут приобщать народ "к основным религиозным и политическим ценностям", выступают в роли учителей, наставников и опекунов. Но никак нам не понять, откуда эта

склонность рассматривать народ как несмышляш, несовершеннолетнего, дитя, которое надо опекать, учить и лишать гражданских прав или хотя бы части их. Революционеры всех мастей и в прошлом все стремились "приобщить" народ то к "народному" социализму, то к марксизму, то еще к чему-нибудь. Народ считался не субъектом, а лишь объектом, который надо было приводить к тому знаменателю, который революционеры считали правильным. Подобно "великому инквизитору" Достоевского, революционеры считали, что только они знают, что хорошо и правильно, а несмышляш-народ ничего в этом не понимает, причем к "несмышляшам" относилась всегда и та часть интеллигенции, которая была не во всем согласна с данными революционерами. Неужели Ю. Ветохин не чувствует, сколько в такой претензии невыносимого высокомерия, в христианском понимании — самого великого греха? Народ же всегда это чувствовал и оказывал своим "попечителям" пассивное сопротивление, которое затягивало "приобщение" на десятки лет, причем неудачливым опекунам всегда приходилось прибегать к террору.

В связи с этим к Ю. Ветохину последний вопрос: какими **методами**, по его мнению, должны воспользоваться революционеры, чтобы в смехотворно короткий срок (3—5 лет) "приобщить" многомиллионный народ к тем ценностям, которые эти революционеры считают основными? Мы уж не говорим о том, что отбор этих ценностей будет совершенно произвольным: это будет то, что нравится революционерам и, может быть, не понравится значительной части народа.

Этим мы не хотим сказать, что мы против революции. Если она фактически станет возможной, то мы бы считали ее оправданной. Но мы считаем, что люди, которые будут делать революцию, **ни в коем случае** не должны оставаться у власти, а тем более диктаторской. Есть две возможности: одна монархическая, другая демократическая. Революционеры могут передать власть легальному претенденту на престол, который сразу же начнет выработать конституцию для конституционной монархии и в возможно короткий срок поставит ее на голосование. Или же революционеры передадут власть некоему временному правительству (мы знаем, что это наименование нехорошо звучит в русских ушах, но не видим пока другого), которое обяжется НЕ устанавливать диктатуры, а сразу же начать подготовку к выборам в Учредительное Собрание. К диктатуре мы относимся отрицательно и не верим, что она может быть кратковременной. Конечно, мы знаем пример Франко, который передал власть монарху, но 1) не при своей жизни и не через 3—5 лет, а через 40 лет, и 2) он передал власть монарху.

К тому же Испания прошла только через очень короткий, да и то не полный период коммунистического владычества.

Отметим еще в конце следующее в книге Ю. Ветохина. Он пишет: "Будущая Россия не должна стремиться к демократии ради демократии и к ничем не ограниченной свободе. Я предвижу, что в России не будет свободы для марксистов, экстремистов, блатных уголовников, для воинствующих атеистов, порнографистов и гомосексуалистов" (стр. 524 — 525). Здесь смешаны в одно разнородные элементы. Неограниченной свободы нет нигде. Ни в одной стране, даже самой демократической, нет свободы для уголовников, иными словами, никому не разрешено грабить других, убивать или насилловать. Это же элементарно, и нет надобности оговаривать, что и в будущей России, какой бы строй в ней ни был, уголовные преступления не будут разрешены. Гомосексуализм и порнография долго запрещались и в демократических странах, теперь некоторые сняли это запрещение, другие его еще сохраняют. Так что и это демократии не противоречит. Кошунство в печати, оскорбление чувств верующих и до сих пор запрещено в большинстве демократических стран, тогда как атеизм, излагаемый его сто-

ронниками без выпадов против веры, запрещен не может быть. Кого Ю. Ветохин понимает под "экстремистами", не совсем ясно. Если это — террористы, то они, конечно, должны быть запрещены, т.к. они подпадают под рубрику уголовных преступлений. Терроризм запрещен во всех демократических странах. Что касается до марксистов, то запретить можно лишь организованную партию, ставящую себе целью свержение правительства насильственным путем, как была запрещена компартия в Западной Германии (потом, увы, ее разрешили под несколько видоизмененным названием) и как в той же Западной Германии запрещена неонацистская партия. Но нельзя запретить людям читать Маркса или Энгельса, нельзя запретить им сочувствовать Марксу или даже называть себя марксистами. Думается только, что таковых в будущей России будет весьма немного.

Мы сделали подробный разбор взглядов Ю. Ветохина, считая, что нельзя не отозваться на мысли, выкованные в таких страшных условиях. Мы честно и без обиняков сказали свое мнение, что дало нам возможность высказать еще раз то, что мы думаем, по ряду вопросов. Мы готовы напечатать ответ Ю. Ветохина или другие высказывания по этим вопросам.

Княгиня Мария Илларионовна РОМАНОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОПИЛКА

В 1928 году вышел небольшой исторический труд князя Дм. Дм. Оболенского: "Император Николай Второй и его царствование". Ниже приводятся мною отрывки из его предисловия и послесловия.

"Бесконечные нарекания, клевета, ложь, сыпавшиеся на Царя-Мученика, и продолжающаяся на него доселе травля вызвали во мне, человеке, оставшемся верным присяге, справедливое возмущение и желание выставить рельефно все то хорошее, что было достигнуто в течение 22 лет царствования Императора Николая Второго.

Никогда прежде не было достигнуто такого развития в промышленности, в экономическом и финансовом отношении; никогда культура не стояла так высоко; Россия богатели, процветала...

Глубокое знание и изучение всего творимого при последнем Государе, ознакомление с цифровыми данными старого опытного профессора, к которому я обратился для получения нужного материала, вполне помогли мне в составлении настоящей брошюры. Она ярко отвечает, что было в России при Царе и что стало от "свободы" большевизма...

Благородство Императора Николая Второго, его любовь, доверие к Родине выражались решительно во всем. Личные интересы стояли для него всегда на втором плане. Одна из давних легенд, имевших целью дискредитировать царскую династию, были слухи о "Романовских капиталах за границей". Легенда эта определенно гласила, что в английском банке русский император имеет более 600 миллионов рублей золотом. Душеприказчиком императора Александра Второго был граф А. В. Адлерберг. Последний, будучи хорошо осведомленным, опровергал этот слух и заявлял следующее: впервы император Александр Третий поместил в английский банк свой личный капитал (около 90 миллионов рублей золотом), полученный им в наследство от отца. Однако Император Николай Второй не пожелал держать эти деньги за границей; он считал полезным для России поместить их в русские займы. Перевод этот удалось устроить с трудом, ибо английский банк чинил всякие препятствия. С этого времени у Государя не было капиталов за границей. И императрица-Мать очутилась в трудном материальном положении, когда, избегнув гибели в Крыму, вернулась на

первоначальную свою родину — в Данию, в 1919 году.

Вырученные из Английского Банка капиталы большею частью были истрачены в России — на щедроты царские. Отказа, сколько я знаю, никогда не было, когда нужда была налицо. Сколько было пожертвовано на помощь строившимся церквям! Сколько сотен тысяч рублей роздано пострадавшим при Ходынской катастрофе! Повторяю, нет числа благодарениям, оказанным своим подданным Царем-Мучеником!

Беспристрастный подход к изучению последнего царствования не может пройти мимо “сухого режима”, введенного в России в пору войны и принятого народом с сознанием необходимости и полезности этой меры. Но и до отмены казенной продажи напитков пьянство с каждым годом шло на убыль, и качество спиртных напитков сильно улучшилось, и их употребление урегулировалось. И в целом мире по количеству душевого потребления спиртных напитков Россия занимала последнее место. А с приходом к власти большевиков началось систематическое спаивание населения.

В царствование последнего Государя крестьяне получили новые наделы земли в размерах, превысивших наделение при Императоре Александре II. При посредстве Крестьянского Банка, еще учрежденного Императором Александром III в 1882 году, крестьяне получили не менее 15 миллионов десятин земли на самых льготных условиях. Им также были переданы для их заселения удельные и государственные земли; всего приблизительно 6 миллионов десятин в Европейской России. А в Азиатской России крестьяне получили все государственные и кабинетские земли. Эти наделы были громадны: по 15 десятин на душу, по 45 десятин на семью; причем каждой семье выдавалось пособие в 200 рублей золотом. И крестьяне перевозилось со всем своим имуществом бесплатно, на казенный счет, до места поселения. В Сибири были устроены казенные склады земледельческих орудий, снабжавшие население усовершенствованными сельскохозяйственными машинами по крайне дешевой цене и на льготных условиях. В 1916 году в руках крестьян и казаков было приблизительно 172 миллиона десятин собственной земли в 50 губерниях Европейской России, не считая Кавказа и Царства Польского. Можно сказать, что накануне злощастной революции крестьянам принадлежала на началах собственности вся земельная пахотная площадь в Азиатской России. И на началах собственности и аренды — до 90% всей площади в России Европейской (по сельскохозяйственной переписи 1916 года).

Вкратце ознакомившись с положением внутренних дел при последнем Царе, перейдем к внешней государственной политике. И нач-

нем с дальневосточной. Император Николай Второй являлся знатоком Дальнего Востока: он стоял во главе Сибирского Комитета по постройке великой сибирской железной дороги. И знал связанные с нею задачи и предприятия. Государь посетил Сибирь и Японию. И понимал еще тогда значение Тихого Океана. Своим орлиным оком он глядел далеко вперед. С увеличением земельных приобретений на Дальнем Востоке распространялась христианская культура и укреплялись границы России на Дальнем Востоке...

Нельзя пройти мимо исторического события — события исключительного значения: учреждения в Голландии “Гагской Конференции мира”, созданной по почину и настоянию нашего Государя Императора. Первая конференция собралась в 1899 году, вторая — в 1907 году”.

Интересны сведения, собранные кн. Дм. Дм. Оболенским, о невольном сыгравших на руку революционерам министре А. Д. Протопопове и Григории Распутине.

“А. Д. Протопопов, либеральный политический деятель, председатель прогрессивного думского блока, получив назначение его министром внутренних дел из-за желания Государя сблизиться с Государственной Думой. Вскоре после назначения Протопопова стали обнаруживаться следствия его болезни — прогрессивного паралича мозга...”

Григорий Распутин не был ни вором, ни конкраздом. Принадлежал он к зажиточной сибирской семье. Фамилия “Распутин” на народном языке означает человека, умеющего распутать всякое дело, — прозвище, скорее, почетное. Распутин был женат, имел детей, был хорошим семьянином. Григорий не был ни хлыстом, ни сектантом, он был просто странником по наклонности и посещал святые места, был в Иерусалиме у Гроба Господня. Ему покровительствовали некоторые деятели православия, как Епископ Гермоген Саратовский и Епископ Феофан, ректор Петербургской Духовной Академии. Они же и ввели Распутина в круг высшего петербургского общества. Знакомство Григория с Царской Семейю относится к 1908 — 1909 гг. Жил он тогда скромно, тихо, не пил и не кутил. Влияния на Императрицу Распутин добился не сразу: оно установилось лишь тогда, когда целительная сила Григория неоднократно спасала жизнь Наследнику. Распутин также гипнотическим внушением прекращал сильные головные боли, которыми страдала Александра Федоровна. Григорий начал пить и безобразничать только во время мировой войны. И на кутежи и разврат ему давали средства разные сомнительные дельцы, взамен требуя “протекции”. Но утверждение, что Распутин назначал министров и смещал их

по своему желанию, есть злостная ложь*.

Думается, что вскоре российские народы согласятся с князем Оболенским, который

*Последнее очень важно, т. к. ложное мнение о том, что Распутин будто бы смешал и назначал министров, очень распространено. (Прим. ред.)

Д. ШТУРМАН

СЛУЖБА ПАМЯТИ

Профессор М.М.Новиков, автор книги "От Москвы до Нью-Йорка" (Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952), заметил во вступлении к ней, что "бурные эпохи... обыкновенно ознаменовываются богатством мемуарной литературы". Да, такие эпохи богаты мемуарной литературой и публицистикой. У русской мемуарной литературы XX века есть, однако, печальное свойство: часть ее, выходящая в Госиздате СССР, пишется под гнетом, а зачастую и по заказу свыше, с постоянной оглядкой на казенную и собственную, авторскую, цензуру; а то, что выходит в Самиздате и за рубежами страны, недоступно подавляющему числу своих желанных и естественных адресатов — отечественных читателей. И неизвестно, когда станет доступно.

Книгу, о которой я хочу напомнить читателям, случайно нашла моя приятельница в маленькой библиотеке израильского кибуца, в котором нет русскоязычных читателей (среди основателей кибуца были, но уже покинули этот мир, а книги остались). В частных и небольших общественных библиотеках всего мира лежит без движения, рискуя вот-вот отправиться в мусор, уже невнятная окружающим (дети ее собирателей принадлежат с рождения к новой среде), никем не востребуемая, уникальная русская литература и периодика. Нити памяти, протянутые от очевидцев и участников событий к современникам и потомкам, грозят повиснуть в безвоздушном пространстве глухой непреемственности.

Есть сборники "Память". А.И.Солженицын собирает и начал издавать воспоминания о русском XX веке и перерубивших его катастрофах. Выходит в США на английском языке реферативный сборник "Abstracts of Soviet and East European Emigré Periodical Literature" под редакцией Л.Хотина, аннотирующий эмигрантскую литературу для англоязычных читателей. Но в качестве коренной спасительной меры, которая под силу только союзу энтузиастов, видится изыскание средств на собрание всего, что написано россиянами в изгнании, в бегстве и в эмиграции после 1917 года, а также того, что все эти десятилетия удастся перебрасывать за рубеж Самиздату. Ведь по эту сторону

заключает свой исторический разбор последнего царствования следующими словами:

"Теперь ясно, что отречение Императора Николая II было величайшей ошибкой и несчастьем для России. Но вина в этой ошибке не Государя, а тех, кто требовал и настаивал на этом отречении".

советских границ книги, сборники, периодические издания россиян печатаются мизерными тиражами и за несколько лет превращаются в библиографические редкости. Между тем уже перевалило через половину седьмое десятилетие этого непрерывного напряженнейшего созидания и неотвратимого погружения в небытие. Книги и выступления в периодике забываются, постепенно угасают когда-то громкие имена, а тихие — тем более и тем быстрее. Положим, так бывает с книгами и с именами везде и всегда. Но в нормальных условиях издания собираются и фамилии авторов собираются в каталогах и библиографиях. А у русской литературы в изгнании нет хранилищ, куда можно было бы прийти, чтобы заглянуть в исчерпывающие справочники и услышать любой из умолкнувших голосов, — хранилищ полных и систематизированных, которые могли бы вернуться на родину авторов, если она когда-нибудь освободится. Немало возникло бы тогда и переизданий этих микротиражных посланий из прошлого. Создание такого хранилища чрезвычайно маловероятно, но не противоречит законам природы. Если бы эта идея объединила хотя бы часть бесплодно воюющих друг с другом ревнителей своей и только своей правоты, служба памяти из утопии превратилась бы в повседневную деятельность. Но, по-видимому, наиболее утопично предположение, что антагонизм, зачастую даже не предопределенный чем-либо принципиальным, может быть преодолен ради какого-то общего дела. А в одиночку или малой группой не добыть на такую затею средств.

При нынешних же обстоятельствах имеет смысл время от времени вспоминать вещи, изданные, по меркам наших быстро текущих времен, сравнительно давно.

М.М.Новиков, декан физико-математического факультета и последний свободно избранный ректор Московского университета, изгнанный (одновременно с группой других выдающихся деятелей русской науки и культуры) из СССР в 1922 году, завершил свои воспоминания в 1952 году в Нью-Йорке. Крупный биофизик, он уже в изгнании издал свыше ста двадцати книг и статей естественнонаучного

содержания на разных языках, активно работал, был профессором ряда университетов и членом многих научных обществ.

Воспоминания посвящены, в основном, российскому и короткому советскому периодам его деятельности. Талантливый ученый и научный администратор, Новиков был еще и активным общественным деятелем. В 1908 году он стал гласным Московской Городской Думы, а затем был избран в Государственную Думу IV созыва от кадетской партии. Его воспоминания интересны со многих сторон, но для тех, кто привержен к традиционной советской и распространенной западной версии тупиковости российского предреволюционного прошлого, особенно впечатляющими и неожиданными окажутся именно думские главы книги.

Я предчувствую возражение: если это прошлое взорвалось, значит, оно было тупиковым, иначе бы оно развивалось. Взрываются, однако, не столько тупики, сколько квазитупики. Порой представляются тупиками повороты дороги или мосты через пропасти. Зачастую здравомыслящая часть общества просто не умеет или не считает необходимым обороняться от энергичных и безответственных экстремистов, увлекающих за собой на необходимое для переворота время толпы сограждан. Нередко пишут, что российские взрывы 1917 года обусловлены нерешенностью трех проблем: национальной, аграрной и военной. В советские времена все три проблемы стояли неоднократно куда более остро, чем в 1917-м, но хорошо забетонированный и тщательно охраняемый тупик партократии не взорвался, как не взрывается и сегодня. Рушатся не охраняющие себя, легко доступные деструктивным силам объекты.

А позднее, при взгляде на лабиринт сверху, потомки различают возможный, но пренебрегнутый выход, на который, как это ни странно, указывали в свое время и многие современники взрыва, завалившего этот выход своими обломками. Люди умирают не только от старости и неизлечимых болезней, но и от нераспознанности недуга, от запоздавшего или неправильного лечения, от неумения, а то и нежелания бороться за жизнь, свою и чужую. Не будем говорить об умирании цивилизаций от старости — вопросе темном и спорном, но народы, по-видимому, крайне редко оказываются в положении больного неотвратимо злокачественной болезнью, не оставляющей врачу и пациенту надежды. Перед народами, как правило, лежит то большее, то меньшее количество вероятных траекторий преодоления перманентных кризисов. Правда, тоталитарная ситуация крайне сужает этот разброс возможностей, представляясь большинству попавших в нее людей практически безвыходной. Но Российское государство в канун своего распада отнюдь не было тоталитарным. Почему же

оно погибло? Этот вопрос ставился, ставится и будет ставиться бесчисленное количество раз.

Только что вышел полный "Август 14-го" А.Солженицына — подход к тому же роковому вопросу. При чтении этой эпопеи очень к месту оказываются воспоминания М.Новикова, восстанавливающие те же годы под иным углом зрения, но тоже с позиций обретенного в них и после них опыта. Ведь писались они уже в изгнании. Полагая, что эта более чем тридцатилетней давности малотиражная книга из обращения давно вышла, попытаюсь кое в чем восстановить набросанную в ней картину русской общественной жизни, преимущественно до первой мировой войны, но отчасти и более поздней, по февраль 1917 года.

М.Новиков родился в 1876 году, и первая треть его жизни принадлежит XIX столетию. Детство и юность в обедневшей купеческой семье с частыми и долгими пребываниями в богатом купеческом доме бабушки оставили в нем прочное впечатление достатка и изобилия, царивших в Москве конца прошлого века. Даже в худшие свои годы семья жила сносно. Когда же юноша по окончании коммерческого училища (казенным стипендиатом) начал работать в конторе, продолжая по вечерам давать уроки, "благосостояние пятичленной семьи было вскоре восстановлено. Мы снова обзавелись квартирой, хотя скромной, но состоявшей из 4-х комнат, и повели образ жизни, соответствующий уровню среднего московского обывателя".

Я опускаю живые картины купеческой, чиновнической, школьной, университетской Москвы конца и начала двух веков, хотя они весьма яркие и любопытны. В журнальной статье всего не охватишь.

М.Новиков пишет свои воспоминания, не утрачивая при этом органически свойственного ему исследовательского подхода к событиям, сознательно привнося в оценку прошлого опыт всей последующей своей жизни. Его неотступно занимает вопрос о том, был ли для России начала XX века неизбежным тот ход событий, который заставил его подводить итоги своей жизни в нью-йоркском изгнании, а не в родной Москве, в добротном доме, построенном им когда-то для своей молодой семьи.

А.Солженицыну трудно приписать симпатию к оппозиционной кадетской фракции Думы. М.Новиков же устойчиво принадлежал к ее правому крылу. Тем не менее очень поучительно наблюдать, как очертания событий и оценок, воспроизведенные очевидцем (Новиковым) совпадают с картиной и характеристиками, воссозданными исследователем (Солженицыным) по документам и частью интуитивно. Совпадают не всегда и не во всем, но, пожалуй, в самом существенном: в ответе на упомянутый выше неисчерпаемый вопрос.

Развитие взглядов М.Новикова было, в об-

щем, довольно типичным для русской интеллигенции его круга и его поколения. В юности он пережил увлечение марксизмом. Позитивистский, исследовательский склад его ума предопределил его заинтересованность этим модным в интеллигентной среде тех лет учением, уверенно декларирующим свою объективность, свою научность, свой рациональный подход к бытию мира вообще и к историческому процессу в частности. Подобно многим российским интеллектуалам-марксистам той поры, Новиков изжил свое увлечение этой доктриной довольно быстро. Тот же исследовательский, вполне рациональный подход, который сначала привлек его к марксизму, вскоре позволил ему увидеть неразрешимые противоречия и тупики учения, сокрытые от многих поныне. Убеденный эволюционист, в обеих Думах Новиков отдавал предпочтение конструктивной работе перед пропагандой и бескомпромиссной оппозиционностью. Знаменательны размах и реальные возможности этой конструктивной работы, доосмысленные автором книги в годы изгнания и особенно разительные в сопоставлении с тем, что воцарилось на его родине после 1917 года. Ностальгией по этой плодотворной деятельности проникнута вся книга.

Читая и перечитывая увлекательнейшую главу "Московская городская дума", я с трудом преодолеваю искушение предложить ее читателю целиком. Тогда возникла бы картина мощного общественного градостроительного и просветительского движения, не претерпевающего серьезных помех, — движения, в котором объединились состоятельные и средние городские слои. М.М.Новиков вспоминает: Московская Городская Дума тех лет (1908 — февраль 1917) четко делилась на две группировки: консервативную и прогрессивную; в последнюю и входил Новиков. Прогрессисты составляли меньшинство, но очень значительное и влиятельное, и успешно работали в некоем полемическом единстве со своими более осторожными и умеренными коллегами.

"Атмосфера заседаний Московской думы была спокойной и деловой. Хотя между двумя половинами думы и возникали принципиальные разногласия, но до резкостей, столь частых в парламентах, где разыгрываются политические страсти, обыкновенно не доходило.

Гласные старались поддерживать достоинство и бескорыстие при исполнении возложенных на них общественных функций.

Страх перед извлечением личных выгод доходил иногда до крайней степени щепетильности. Я помню доклад управы, в котором предлагалось выдать гласным карточки для бесплатного проезда на городских трамваях. Против доклада поднялась буря негодования со всех сторон думы. Указывалось,

что гласные могут заплатить пятак за трамвайный билет и не нуждаются в подачке из общественных средств. То же самое я наблюдал впоследствии в Государственной Думе, где никаких даровых проездов ни на трамваях, ни на железных дорогах не практиковалось. Об этом бескорыстии я часто вспоминаю за границей, когда вижу, как здешние депутаты вытаскивают из карманов целые коллекции легитимаций для бесплатного пользования государственными и общественными учреждениями.

...Заседания проходили, о чем неустанно заботился наш председатель, в атмосфере общественного доверия и взаимного уважения. Благодаря высокой квалификации комитета и строгой согласованности действий, наша группа, несмотря на то, что была в меньшинстве, могла часто оказывать решающее влияние на ход думских дел.

При отсутствии в моем распоряжении необходимого справочного материала я не могу даже в общих чертах охарактеризовать обширную и разностороннюю деятельность московского городского самоуправления за те десять лет, в течение которых я носил звание гласного. Скажу только, что благосостояние города поднялось за это время в высокой степени. Завелись, на месте прежних булыжных, гладкие, усовершенствованные мостовые, усердно строились школьные и больничные здания, оборудованные по последнему слову науки и техники, расширялась трамвайная сеть, обслуживаемая спокойными, комфортабельными вагонами. Огромная Театральная площадь, представлявшая раньше песчаную пустыню, над которой при ветре вздымались тучи пыли, была превращена в роскошный цветущий сквер, против которого, вдоль стены Китай-города, был разведен богатейший розариум. Особого упоминания заслуживает прекрасный водопровод, а главное, рационально устроенная канализация. Город не хотел загрязнять Москву-реку канализационными отбросами, как это делается, в целях экономии, нередко за границей. Требования гигиены стояли на первом месте. Поэтому для отвода сточных вод были устроены поля орошения с почвенными и искусственными фильтрами, столь совершенными, что в результате очистительных процессов получалась кристально чистая, как бы ключевая вода. Вспоминаю, как при осмотре гласными вновь сооруженных полей орошения член управы Дувакин наполнил стакан этим конечным продуктом канализационной жидкости и с видимым удовольствием утолил жажду.

К этому краткому очерку успехов городского самоуправления можно добавить, что и те сооружения, которыми сейчас так

гордятся большевики, а именно московский метрополитен и московский порт, т.е. превращение мелководной Москвы в судоходную реку, были разработаны в наше время. Я отлично помню, как соответствующие управские проекты вносились на рассмотрение думы. Но в жизнь они проведены не были из-за разразившейся революции. Если бы не это последнее обстоятельство, то они были бы осуществлены гораздо раньше, чем это было сделано советской властью. Конечно, такой азиатской роскошью, которой щеголяет ныне московский метрополитен и которая достижима в нищей стране лишь при наличии рабского труда, мы обставлять метрополитен не собирались. Но нельзя забывать, что основная мысль обоих сооружений и главные черты их осуществления были разработаны в недрах буржуазного городского управления...

Главным предметом моего внимания в Городской думе было... народное образование, которое в то время успешно развивалось. Было осуществлено всеобщее обучение, т.е. такое положение, при котором никто из московских детей не получал отказа в приеме в начальную школу, и разрабатывался вопрос об обязательном обучении".

Замечательны (их тоже надо бы, но невозможно привести полностью) страницы той же главы, повествующие о колоссальной внешкольной работе, которая по инициативе Городской Думы проводилась с детьми из малоимущих слоев населения специальными обществами, городскими и районными. Эстетическое, общекультурное, спортивное воспитание, помощь в домашней учебной работе, создание многоотраслевых клубов с комнатами для занятий, игр, спорта, ручного труда, с неутомимыми энтузиастами-воспитателями, медицинская помощь в школах и вне школ — ничего не было забыто. Добровольцы для работы с детьми приглашались Думой и приходили сами из разных слоев населения. Однако среда наиболее радикальная в это широкое общественное движение, как правило, входила не хотела. Новиков пишет:

"Зато об участии в нашем Обществе преподавательского персонала городских школ, представители которого должны бы были, как казалось, быть его наиболее деятельными работниками, у меня сохранились менее приятные воспоминания. В общем, этот персонал пополнялся знающими, а подчас и высококвалифицированными педагогами. И хотя в большинстве они были левых политических взглядов, среди них была распространена какая-то безучастность к общественной работе. Отбыв часы своих занятий в школе, они, посещая друг друга, могли часами предаваться lamentациям о

печальной судьбе русского народа, страждущего от несовершенного политического устройства и от последствий его — нищеты и невежества. А к тому, чтобы пойти в детский клуб или на площадку для игр, и тем смягчить по мере возможности эти два бедствия, у большинства из них не было никакой охоты. Были среди них даже проявления негодования по поводу того, что Общество стремится эксплуатировать их, предлагая им сверхурочную работу без добавочного вознаграждения. На фоне нашей общей жертвенности такие обвинения звучали совершенно нелепо"

По-видимому, бескомпромиссное революционерское "чем хуже, тем лучше", о котором с горьким негодованием говорит А.Солженицын в "Августе 14-го" и которое так откровенно звучит в сочинениях и письмах хотя бы Ленина, владело и преподавательской радикально-левой общественностью. В отличие от множества деятельных, добрых и культурных людей, о которых пишет М.Новиков, радикалам нужно было не просто улучшение работы с детьми и с населением, не просто обогащение и украшение жизни, а улучшение, достигнутое предписанными их вождями способами и обязательно в итоге коренной ломки общественных отношений. Первым шагом их программы было разрушение, а не созидание, взрыв, а не "латание дыр". Люди же, с которыми сотрудничал Новиков, от едва грамотных городских обывателей до представителей московской интеллигентной и буржуазной элиты и знати, делали, что могли, а могли, как свидетельствует воспоминатель, очень многое.

Постепенно все московские районные просветительские общества с их городским думским центром объединились в союз под председательством Новикова. Эта активно работающая организация была тесно связана, с одной стороны, — с населением Москвы, с другой — с городской управой и министерством просвещения. М.Новиков вспоминает:

"Союзу экстренно понадобилось 10 тыс. рублей, сумма значительная, которую было очень трудно собрать. Я решил испросить ее от Министерства народного просвещения и отправился лично на прием к министру графу П.Н.Игнатьеву, с которым у меня, несмотря на то, что я принадлежал к оппозиционной партии, поддерживались добрые отношения. После таких неудачных министров, как ген. Ванновский или Кассо, он представлял на своем посту поистине отрадное явление. Просвещенный в самом лучшем значении этого слова, блажелательный, чуждый партийной нетерпимости и бюрократических предрассудков, он пользовался в Государственной Думе почти всеобщими симпатиями. Бегло просмотрев мое прошение, он взялся за перо, чтобы поставить

свою резолюцию. А на мой вопрос, не желает ли он предварительно ознакомиться с уставом Союза, он с очаровательной любезностью ответил, что он хорошо знает председателя Союза и это для него достаточно. Таким образом, на второй или третий день после отъезда из Москвы я мог телеграфировать, что деньги для Союза обеспечены”.

Горестное впечатление оставляет картина постепенного распада и деградации Московской Городской Думы после февральской революции и окончательная гибель этого социального института после большевистского переворота. Следующие слова звучат эпитафией российской муниципальной демократии, столетия набравшей силу и перечеркнутой в несколько недель.

“Так закончился исторически краткий, начиная от эпохи великих реформ приблизительно полувековой, период Российского местного самоуправления. Наши идейные порывы и готовность к служению ближнему, наши скромные, но неизменно возраставшие достижения, материальные и культурные, которые часто тормозились справа, были окончательно приостановлены и заданы могучей волной, набежавшей слева. Мы часто слышим, что Москва, благодаря расширению улиц, возведению новых, грандиозных построек, благодаря метрополитену и речному порту получила в последнее время совершенно новый облик. Но мы знаем, что этот облик связан и с разрушением многих религиозных и художественных памятников, дорогих сердцу каждого природного москвича и русского патриота. Когда же я пытаюсь мысленно продолжить кривую достижений московского городского самоуправления, которая имела в последний период его существования столь яркую тенденцию к повышению, я прихожу к убеждению, что если бы это самоуправление могло и в истекшие три десятилетия без помехи продолжать свою работу, Москва была бы теперь, при полном сохранении своего исторического своеобразия, одним из самых красивых, гигиеничных и культурных городов Европы”. (Курсив Д. Ш.)

Несмотря на упомянутую ностальгию, в книге Новикова не ощущается идеализации прошлого России. Сдвинувшись на протяжении своей дофевральской жизни от левого края до умеренного правого фланга кадетской оппозиции, Новиков, тем не менее, всегда пребывал в составе критически мыслящей части общества. Недостатки и промахи верховной власти не выпадают из поля его зрения. Он демократичен в европейском смысле понятия и не может не замечать того, что называет “реакционными тенденциями тогдашнего правительства”. Но не менее четко он констатирует и крайний недостаток конструктивно мыслящих элемен-

тов в составе российской оппозиционной общности, пропитанной неоправданным негативизмом, обострившимся именно в те годы, когда конструктивная работа стала возможной и делалась все более результативной.

Некоторые литераторы современности ставят знак равенства между дофевральской ситуацией в России и современной ситуацией в СССР, считая и ту, и другую авторитарной. При этом существует вариативность воззрений: одним обе ситуации видятся ни в коей мере не подлежащими мирному реформированию; другим таковыми представляются только дофевральские российские обстоятельства, а современные советские кажутся способными к либерализующей эволюции. В действительности же в России до 1917 года эта демократизирующая эволюция успешно ШЛА, а в СССР в основных и фундаментальных признаках строя она отсутствует. Хронологически ограниченные флуктуации НЭПа и хрущевской “оттепели” не преобразовали тоталитарных (а не авторитарных) основ режима. Перспектив таких преобразований не видно и в нынешнем СССР. В российской же предфевральской действительности они присутствовали и зримо воплощались в действительность.

Достоверное свидетельство Новикова отчетливо подтверждает одну весьма важную и нередкую в наше время мысль: революции не нужны и губительны, когда действительность сохраняет реальный простор для деятельности, направленной на ее улучшение. Такой была действительность дореволюционной России. Такова действительность современных демократий западного типа. Однако и в их границах сосуществуют и состязаются не только различные конструктивные силы, направленные к смягчению противоречий, снятию конфликтов и совершенствованию положительных сторон системы, но и элементы, стремящиеся взорвать ее главные принципы. Причем это элементы как доморожденные, так и вводимые в демократический мир извне, из тоталитарного космоса.

Преодоление конфликтов, несоответствий и недостатков и улучшения, стоящие немалого труда, но возможные, кажутся полумерами, жалким текущим ремонтом несостоятельного в принципе механизма. Между тем механизм работоспособен. В нем нужно повсеместно и ежечасно противостоять тому, что мешает людям существовать достойно и благополучно, и множить то, что помогает им так жить. Но эта главная, будничная, неисчерпаемая работа представляется нетерпеливым ревнителем “единоственно правильных” социальных устройств бесполезной. Они воинственны и громкоголосы и оглушают общество своим нигилизмом по отношению ко всему тому, что не требует разрушения “старого мира” “до основания”. И в этом смысле

нынешняя мировая ситуация роковым образом напоминает российскую ситуацию 1910-х годов. Речь идет не об их тождественности: Россия начала XX века не была еще демократией в современном западном смысле слова. Но обе ситуации давали и дают обществу (одна — в прошлом, а вторая — поныне) существенный простор для самосовершенствования. И одна взорвалась, а другая грозит взорваться под все возрастающим натиском сил, на самом деле не имеющих работоспособной альтернативной программы. Но они кажутся себе, выглядят и представляют себя другим имеющими такую программу. Сегодня обстановка осложнена тем, что деятельность дестабилизирующих и ослабляющих демократию сил провоцируется в значительной степени извне, и очень целенаправленно.

В России предреволюционного шестидесятилетия немногочисленные конструктивные элементы российской общественности и российской власти трагически разминувшись друг с другом. Да и то сказать: после убийства П.А.Столыпина на вершинах власти редко и слабо просматриваются эти конструктивные элементы. Крайне правые к ним, во всяком случае, не принадлежали, играя чаще всего на руку крайне левым. О том, как все рухнуло и положением овладела страшная третья сила, мы здесь говорить не будем, ибо и у Новикова об этом сказано мало...

Обратимся к некоторым конкретным воспоминаниям М.Новикова о IV Государственной Думе.

"Исходя из своей основной точки зрения, что Государственная Дума своей будничной работой, т.е. постепенным усовершенствованием законодательства, улучшением условий жизни и подъемом культурного уровня населения может оказать русскому народу великую услугу", он усердно работал в нескольких думских комиссиях и рассказывает о них весьма обстоятельно. Его активная деятельность в Думе началась с доклада по проекту закона о женской фабричной инспекции. До этого

"фабричные инспектора, которые являлись посредниками между работодателями и рабочими, задачей которых было устранение конфликтов между ними, а также забота о том, чтобы фабриканты выполняли свои обязательства по отношению к рабочим и наоборот, вербовались по закону лишь из мужского населения. Закон был издан, когда женский труд на фабриках почти совершенно не применялся. А когда потом женщины составили значительный процент среди фабричных рабочих, они оказались в невыгодном положении по сравнению с мужчинами. По целому ряду своих специфических женских нужд и обид им было неловко обращаться к инспекторам-мужчинам. Поэтому представлялось жела-

тельным установить, наряду с инспекторами, некоторое количество должностей фабричных инспектрис.

...Кадетская фракция внесла соответствующий законопроект в порядке думской инициативы, и я, как первый подписавший его, был назначен докладчиком. Моя задача не была трудна, потому что законопроект, ввиду своей явной полезности, был сочувственно встречен почти всеми фракциями. Лишь крайние левые считали его излишним, как заплатку на той законодательной сети, которой якобы по рукам и ногам было окутано трудящееся население России. Да крайние правые возражали против него из-за нежелания вводить какие-нибудь новшества. Проект благополучно прошел все стадии и получил силу закона".

Основная депутатская деятельность М.Новикова разворачивалась в области народного просвещения. В ней он постоянно сталкивался с государственными чиновниками различных рангов. И вот к чему сводятся его наблюдения:

"В связи с многочисленными голосами, раздававшимися в обществе и литературе о мертвящем бюрократизме в России и о низком моральном и интеллектуальном уровне нашего чиновничества, я считаю себя обязанным заявить, что многие из тех чиновников, с которыми мне приходилось иметь дело в высших учебных заведениях, и почти весь состав чиновничества в Государственной Думе и в Государственном Совете, равно как и так называемое третье сословие, т.е. служащие в земских и городских самоуправлениях, стояли на очень высоком уровне. Конечно, я не хочу сказать, что не существовало типов чиновников, изображенных Гоголем, Грибоедовым и другими нашими писателями. Но несомненно, что в период предвоенный и предреволюционный русское чиновничество переживало, как и многое другое в нашей стране, процесс подъема и совершенствования. В вышеупомянутых учреждениях он уже завершался, в других находился в более или менее начальных стадиях. Мрачные времена уродливого бюрократизма, заклеянного в русской беллетристике и явившегося отзвуком реакционной правительственной политики, постепенно изживались. У нас часто говорили о преимуществе всего заграничного, но когда я воочию познакомился с иностранным бюрократизмом, с его часто совершенно бездушным и тупо-формальным отношением к делу, я не мог поставить его в пример русскому чиновничеству предреволюционного времени".

Что же происходило в области среднего и высшего образования в предреволюционной России? За недостатком места приведу лишь

немногие сообщения М. Новикова, вплотную занимавшегося упомянутыми в них вопросами. Он пишет:

“Возвращаясь к повествованию о комиссии по народному образованию. Уже в третьей Государственной Думе была проведена большая работа в этом направлении. Главным образом она касалась низшей школы и осуществления всеобщего образования. Была разработана школьная сеть, долженствовавшая охватить не только большие города, вроде Москвы, где она была уже проведена, но и всю территорию России таким образом, чтобы в течение немногих лет безграмотность в среде русского народа была ликвидирована. Для устранения одного из главных препятствий к насаждению этой сети, т. е. недостатка рациональных школьных помещений, был выделен из государственных средств большой специальный “фонд имени Петра Великого” размером, если не ошибаюсь, в 500 000 000 рублей. Для подготовки учительского персонала были также приняты соответствующие меры.

На Государственную Думу четвертого созыва пала задача, помимо продолжения работ по искоренению безграмотности, озаботиться судьбою среднего и высшего образования. Среднее образование стояло в то время сравнительно на высоком уровне, благодаря обилию частных гимназий и реальных училищ, из которых некоторые, правда, представляли собой “лавочки” для продажи по выгодной цене образования и дипломов, но зато другие славились на всю Россию прекрасной постановкой своей воспитательной работы”.

Стараясь сосредоточить начальное образование в руках министерства просвещения и сделать его всеобщим и обязательным, думская комиссия стремилась к тому, чтобы многие специализированные средние и неполные средние школы содержались различными ведомствами и общественными организациями. Этим обеспечивалось многообразие учебных заведений и их динамическое соответствие потребностям быстро развивавшейся страны. Особенно необходимы были технические училища разного рода и уровня:

“Поэтому согласованными действиями Министерства народного просвещения и Государственной Думы было приступлено к созданию новой, дотолде не существовавшей системы профессионального образования. Сеть промышленных школ должна была слагаться, в соответствии с классификацией школьного дела вообще, из низших, средних и высших учебных заведений. Низшие заведения, подобные начальным школам, должны были облегчать будущим рабочим и ремесленникам приобретение спе-

циальных знаний и навыков, а средние — готовить кадры непосредственных руководителей рабочих в тех или иных производствах. Наиболее способные из таких средних техников могли быть использованы и для замещения некоторых инженерских должностей, что связывалось с экономией в деле подготовки профессиональных сил. Что касается высших технических школ, то предполагалось увеличить их число и равномерно распределить их на территории нашей родины, принимая во внимание ее природные богатства, благоприятствующие развитию той или иной области промышленности.

...Перспективы для подготовки промышленных кадров, так же, как перспективы для русской промышленности вообще, были самые блестящие. Но катастрофа, постигшая русскую жизнь, разбила и их”.

Вопреки весьма распространенному убеждению, что интенсивно развивать окраины бывшей царской России начали только большевики, “главной заботой четвертой Думы было насаждение высшего образования на окраинах”.

Новиков упоминает открытые в те годы Омский сельскохозяйственный институт, Тифлисский политехникум, коммерческие институты в ряде провинциальных городов, Туркестанский университет с медицинским факультетом в Ташкенте, Уральский университет в Екатеринбурге, который лишь начал организовываться, и так далее. Претерпевали модернизирующие нововведения и уже функционирующие университеты и институты, в том числе и сельскохозяйственные.

М. Новиков вспоминает:

“Работа комиссии по народному образованию в области строительства высших школ протекала, как я уже отметил выше, в обстановке довольно согласованной и спокойной. Также и в пленарных заседаниях Думы соответствующие законопроекты проходили сравнительно гладко. В необходимости создавать новые высшие школы или расширять старые мало кто сомневался. Но был один острый политический вопрос, который возникал в Думе по отношению к каждой школе, вопрос о приеме евреев. Министерство одно время стало на крайне реакционную позицию и в каждый законопроект о высшем учебном заведении вносило пункт о полном запрещении евреям вступать в число студентов. Этот пункт восторженно поддерживался правыми фракциями, но встречал не менее ожесточенное сопротивление со стороны левых элементов Думы, требовавших неограниченного приема евреев. Мне приходилось предлагать компромисс в виде четырехпроцентной нормы приема, которая находилась

в согласии со статистикой еврейского населения в России. За это предложение, соответствовавшее и порядку, существовавшему раньше, на меня сыпались обвинения с обоих крайних флангов Думы, но в конце концов на нем сговаривалось большинство голосов, нужное для проведения законопроекта”.

Процентная норма не применялась ни к одному народу России, кроме евреев. Ее применение избирательно лишь к одному народу, молодежь которого упорно стремилась к высшему образованию, несомненно накаляло и осложняло политическую обстановку, вовлекая евреев в революционное движение.

Интересны взаимоотношения между думской комиссией и министерством просвещения. М. Новиков пишет:

“Отношения мои с министерством в первое время деятельности Думы, когда во главе его стоял Кассо, были весьма отрицательными. Но по мере того, как я присматривался к внутренней работе чинов министерства, я находил там немало симпатичных явлений. Помимо несомненного знания дела, а у многих искренней преданности ему, я подметил у некоторых и гораздо более либеральный уклон мыслей, чем это требовалось политикой руководящих кругов правительства. По делам высшей школы, которые являлись преимущественным объектом моего внимания, я чаще всего сталкивался с заведовавшим соответствующим отделом министерства Н. О. Палечком. Чех по происхождению, чрезвычайно пунктуальный, но и добродушный, он был столь же искусным изготовителем законопроектов, сколь приятным собеседником при обсуждении их. Русская высшая школа ему многим обязана.

Существенное улучшение взаимоотношений с министерством настало, когда главой его сделался граф П. Н. Игнатьев, о котором я упоминал уже выше. Будучи человеком правых политических воззрений (иначе он не мог бы войти в состав тогдашнего правительства), он принадлежал к категории общественных деятелей, для которых просвещение народа имеет абсолютную ценность, независимо от тех или иных политических направлений. Его благожелательное отношение к думской комиссии по народному образованию очень облегчало нашу работу. Для меня же лично создалось еще одно парадоксальное положение. Принадлежа к оппозиционной фракции и резко критикуя общее направление правительственной политики, а также многие из мероприятий министерства народного просвещения, я работал с ним рука об руку в деле организации новых школ и вообще разви-

тия и усовершенствования сети образовательных учреждений”.

Следующее происшествие свидетельствует о том, насколько реальным было сотрудничество между думской комиссией по народному образованию и министерством народного просвещения в конкретных вопросах:

“Однажды гр. Игнатьев позвонил мне по телефону и сообщил, что он из-за отъезда не может председательствовать в Совете министерства, где будут обсуждаться некоторые детали уже рассмотренного думской комиссией по народн. образованию проекта создания окраинного (кажется, Туркестанского) университета. Поэтому он просит меня заместить его. Мой ответ, что я, как член парламентской оппозиции, непригоден для такой роли, он отвел замечанием, что политических вопросов в заседании подниматься не будет, а со стороны технического рассмотрения дела я являюсь наиболее компетентным лицом. Таким образом, для пользы дела, как я ее понимал, мне пришлось председательствовать в чисто бюрократическом учреждении, против которого я в своих парламентских речах выступал подчас с большой резкостью. В таком же порядке я не отказывался принимать участие в междуведомственных совещаниях по культурным вопросам, чтобы уже наперед устранить недоразумения, которые могли бы потом возникнуть при рассмотрении этих вопросов в нашей думской комиссии”.

М. Новиков упоминает и о более высоком уровне компетентности некоторых руководителей министерств по сравнению с противостоявшими им ораторами думских фракций, даже наиболее культурной из них — кадетской. Так, он рассказывает о дискуссии между министром финансов В. Н. Коковцевым и кадетом А. И. Шингаревым, в 1918 году зверски убитым большевиками. Сперва он вспоминает о Шингареве:

“Это был скромный на вид человек небольшого роста, бывший земский врач, который в Думе, однако, специализировался на финансовых и бюджетных вопросах.

Талантливый оратор, он искусно, а подчас резко и язвительно полемизировал с автором государственной росписи доходов и расходов, министром финансов Коковцевым. Вся оппозиционная часть Думы и передовая пресса торжествовали после выступления Шингарева решительную победу над министром финансов. Но когда я слушал потом ответные речи Коковцева, я чувствовал, несмотря на мою глубокую симпатию к Шингареву, что в его выступлениях было много элементов любительского характера, которые без труда разбивались его профессионально вышколенным противни-

ком. Как политический деятель, я был всецело на стороне моего партийного коллеги, но с точки зрения объективного естествоиспытателя я должен был отдать должное государственной опытности и эрудиции министра финансов”.

Интересны некоторые частные наблюдения М. Новикова над отдельными депутатами или группами таковых в Думе. Хотя бы следующее:

“Председатель думы М. В. Родзянко обладал солидной, внушительной внешностью. Он авторитетно и умело вел собрания. Лишь при одном обстоятельстве он становился несколько комичным. Это было, когда слово предоставлялось социал-демократическому депутату. Я не знаю, почему, но эти депутаты... казались людьми простоватыми и недалекими. Они не произносили своих речей, а считывали с заранее приготовленной рукописи, что запрещалось думским наказом. Родзянко, как только замечал это, делал “стойку”, т. е. внимательно присматривался, весь вытягиваясь вперед, а иногда и вставая с места. Убедившись в том, что его подозрение справедливо, он останавливал оратора, напоминая ему думский наказ. Оратор, пробормотав несколько невнятных фраз, вновь обращался к рукописи, за что получал второе предостережение, а после третьего лишался слова. Лишь один эсдековский депутат, Малиновский, был красноречивым человеком, но и тот впоследствии оказался провокатором”.

Весьма примечательно, что еще столь отдаленные предшественники современных партийных боссов и функционеров твердили свои речи по запрещенным в Думе шпаргалкам. Это говорит и о характере делегировавшей их в Думу партии, и о том личностном типе, к которому они преимущественно принадлежали. На этом лежит отпечаток специфической организации, вовлекающей в свой состав определенного склада людей. И тем не менее эти люди и эти организации одолели и уничтожили в 1917 — 1918 годах своих раскованных и блестящих соседей справа — красноречивых кадетов. Вопрос о том, как и почему они победили и продолжают побеждать, несомненно будет исчерпан историками.

Один из друзей М. Новикова, восхищаясь речами и личностью А. Ф. Керенского, утверждал, “что этот молодой адвокат (ему было тогда немногим более 30 лет) пойдет далеко”. Трудно было тогда представить себе, разумеется, как сложится ближайшая и отдаленная судьба России и какую роль сыграет в ней “этот молодой адвокат”. Но М. Новиков в какой-то мере предчувствовал несоответствие Керенского взятой им на себя миссии. Он вспоминает:

“Я выразил свое сомнение в том смысле,

что неуравновешенность и излишняя нервозность, а также наклонность к демагогии, вряд ли могут служить основаниями для успешной творческой работы. Последующая действительность подтвердила оба эти, казавшиеся противоречивыми, прогноза. Керенский часто выступал в пленарных собраниях с резко оппозиционными речами, которыми он многих увлекал и даже как бы гипнотизировал. Но у меня всегда щемило сердце от какого-то болезненного надлома в его ораторском искусстве”.

Пытаясь дать оценку истоков русской трагедии 1917 года, М. Новиков пишет:

“Не имея под руками стенографических отчетов и других печатных материалов, касающихся думских заседаний, я не в силах дать хотя бы общий очерк деятельности Думы по существу. Это задача будущего историка. Я могу лишь припомнить различные оценки этой деятельности со стороны общественных кругов. Эти оценки совпадали приблизительно с мыслями, высказанными на первом заседании бюро нашей фракции, когда одни из членов фракции полагали главнейший смысл существования Думы в борьбе, хотя бы и безнадежной, за полноту гражданских свобод и за осуществление настоящего парламентарного режима, а другие считали более целесообразным идти медленным, эволюционным, но зато надежным путем постепенного усовершенствования условий русской жизни. Мысли подобного рода культивировались и дебатировались как в Думе, так и вне ее, за исключением, однако, обоих крайних флангов, для которых существование Думы представлялось вообще нежелательным. Для крайних левых потому, что она задерживает развитие революционных событий, а для крайне правых из-за несоответствия какого бы то ни было конституционного режима с историческим укладом и характером русского народа. В этой ненависти к русскому, даже несовершенному, народному представительству оправдалась поговорка о том, что крайности сходятся.

Но характерно и для партии народной свободы, что в ней были элементы, относившиеся к работе Думы с полным презрением.

.....

Находясь между Сциллой правительственного недоброжелательства и Харибдой пренебрежения со стороны некоторых общественных кругов, Дума не могла в достаточной степени выполнять свою главную задачу и вести за собой население России. Попытка ее в этом отношении, предпринятая в начале февральской революции 1917 года, потерпела фиаско. Русский же народ, увлеченный мечтой о неслыханной до того

времени свободе и невиданном равенстве, оказался у разбитого корыта”.

И тут же, на многих страницах, он рассказывает о том, как велики и реальны были “официальные полномочия Думы”. Приведу и здесь достаточно обширные выдержки:

“Во-первых, ни один закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и Государственного Совета, за которым следовало Высочайшее утверждение. Конечно, между этими тремя инстанциями могли возникать конфликты, но в законодательстве были указаны способы их улаживания. Тяжелым и для оппозиции неприемлемым пунктом законодательной практики была 87-я статья основных законов, согласно которой правительство в промежутках между сессиями законодательных палат, в случаях, не терпящих отлагательства, могло издавать законы самостоятельно, но с тем, чтобы в начале ближайшей сессии предложить их на одобрение законодательных палат. Законы, не предложенные в течение трех месяцев, автоматически утрачивали свою силу. Правительство, однако, редко прибегало к этой пресловутой статье, из опасения, что введенный им в каникулярное время закон может быть, к вящему конфузу, отменен в нормальном законодательном порядке. Правда, наша вторая палата, Государственный Совет, состоял из членов по назначению или же избранных особым привилегированным способом, что делало его органом, предназначенным охранять и защищать правительство. Но и он мог вступить за свое достоинство и отказать правительственной власти в одобрении самовольно проведенного закона.

Законопроекты, поступавшие на рассмотрение Думы, зарождались двояким способом. Большинство их вносилось в Думу ведомствами, но некоторые были обязаны своим возникновением законодательной инициативе самой Думы. К сожалению, эта инициатива проявлялась в слабой степени, что зависело от недостаточности в составе депутатов лиц, обладавших творческой активностью и специальной подготовкой к законодательной деятельности. Это последнее обстоятельство представляет собою одну из неизбежных дисгармоний общественной жизни. Ко всякой профессии люди подготовляются в школах, на курсах или частным образом. Лишь за законодательную работу, столь важную для государства, общества и отдельных его членов, они берутся без предварительной подготовки, будучи оторваны выборами от своих обычных житейских занятий. Единственное средство для смягчения такой дисгармонии состоит в повышении культурного уровня

населения и в прививке ему основных начал права и справедливости.

Вторая обширная область думских полномочий вытекала из права предлагать правительству запросы по поводу действий правительственных органов, которые считались Думой незаконными, или вообще по поводу нежелательных явлений в ходе государственной жизни. Этим правом Государственная Дума, особенно ее оппозиционное крыло, пользовалась весьма широко, учитывая возможность если и не направить ход государственного корабля по своему усмотрению, то, по крайней мере, устранить наиболее резкие злоупотребления власти на местах и показать широким кругам населения, что и над правительственными действиями бдит око общественного контроля.

Говоря о значении Государственной Думы в общем обиходе народной жизни, необходимо упомянуть о том, что депутаты имели возможность тесного общения со своими избирателями, что значительно облегчалось их политическим иммунитетом. Хотя и в этом отношении им ставились подчас более или менее серьезные препоны. Помню мой отчет перед избирателями, переполнившими самую вместительную в Москве аудиторию Политехнического музея. Минут через десять после начала доклада собрание было закрыто полицейской властью. Правда, возмущенная публика устроила внушительную демонстрацию, дефилируя передо мною и приветствуя меня пожатием руки. Молчаливый протест оказался, пожалуй, более эффективным, чем моя оппозиционная речь. Но и эта последняя была через день опубликована *in extenso* в “Русских ведомостях”.

Я не буду детально рассматривать тему глобального “распада русской общественной жизни”, обострившегося к концу 1916 года, о чем с горечью пишет М. Новиков в конце думской части своих воспоминаний и в главах о февральских и октябрьских событиях. Эта тема требует слишком обширных комментариев с привлечением неисчерпаемого ряда других первоисточников. Но нельзя совсем не коснуться вопроса о том, как видятся Новикову истоки непоправимой российской трагедии.

В воспоминаниях этого очень внимательного и стремящегося к объективности человека предстает, с одной стороны, нежелание верховной власти после убийства Александра II довести твердой рукой, по своей собственной инициативе, до конца необходимые обществу раскрепостительные, эмансипирующие преобразования. Александр III добился “мира в международных сношениях и внешнего спокойствия во внутренней жизни страны”, — пишет М. Новиков, — но спокойствия именно только

внешнего. Реакция отняла у общества ряд правительственных же нововведений предыдущей эпохи, "революционная инфекция не была, однако, ликвидирована. Она лишь скрылась в глубину общественного организма, где нашла благоприятную почву для своего дальнейшего развития".

Склонная к эволюционизму, к реформам часть общества, раздраженная консерватизмом правительства, психологически сблизилась с экстремистскими группами бескомпромиссных врагов режима. Не будем останавливаться на том, как особенности характера, личной судьбы, окружения и мировоззрения Николая II от случая к случаю лишали его далеко идущей, устойчивой инициативы в предопределении хода событий. Новиков пишет о том, что на протяжении последнего царствования все либерализующие изменения вносились властью в государственную и общественную жизнь с опозданием, против собственной воли, под давлением нарастающей дестабилизации. К моменту таких уступок, способных удовлетворить общество незадолго до этого, последнее успевало уйти в своем раздражении и в своих требованиях далеко вперед и воспринимало компромиссные шаги правительства как несостоятельные полумеры. К сожалению, из поля зрения Новикова выпадает уникальная стабилизирующая и одновременно реформаторская деятельность Столыпина, способная, не прервись она так внезапно и рано, стать спасительной для России XX века. Такое отношение естественно для Новикова как для представителя оппозиции, в целом не склонной улавливать конструктивные тенденции в деятельности правительства. Да и в Государственную Думу он пришел уже после убийства Столыпина. Правда, гласным Московской Городской Думы он стал при его жизни. Но, судя по "Августу 14-го", где деятельность и личность Столыпина рассмотрены исчерпывающе, последний работал в трагическом одиночестве, вынужденный, с одной стороны, решительно пресекать безответственный и агрессивный экстремизм, с другой — почти без надежды на успех добиваться понимания со стороны общественности и искать в ней конструктивные, в своем понимании, элементы, с третьей — ежечасно противостоять враждебным своей деятельности влияниям на царя и бороться за его доверие к себе и своим реформам — за доверие, явно иссякшее к заключительному моменту трагедии. Новиков отмечает и всепроникающее развитие социалистических, разных толков, иллюзий в образованном обществе, и проникновение лозунговых, расхожих вариантов этих иллюзий в массы. Он пишет и о расколе в крайнем правом лагере, в придворных кругах, даже внутри царской фамилии, связанном с распутищиной, войной и другими экстремальными обстоятельствами. Из его записок вытекает

впечатление, что сложнейшая мозаика российской государственной и общественной жизни в канун первой мировой войны привела к хрупкому, но продуктивному динамическому равновесию, которое постепенно должно было и могло разрешиться в обретшей устойчивость либеральной конституционной монархии. Но война, особенности характера царя и судьба царствующей семьи, безволие эволюционистских и безответственность экстремистских элементов общественности, трудности, выпавшие во время войны на долю масс, и демагогические апелляции к народу со стороны крайне левых сил сорвали этот процесс.

"Все намеченные выше предпосылки революции могли бы смягчиться или даже утратить свою актуальность, если бы с таким трудом налаженный конституционный режим продолжал укрепляться и развиваться в мирной обстановке, если бы при содействии нашего, хотя и несовершенного, народного представительства в обществе культивировались идеи порядка и правосознания, если бы этому представительству удалось завершить начатую им колоссальную работу по подъему образовательного уровня народа, если бы, наконец, используя успешные результаты своей деятельности в различных областях государственного строительства, оно сумело постепенно углубить свое воздействие, с одной стороны, на правительственную власть, что означало бы расширение его полномочий, а с другой — на общество, из чего вытекало бы объединение и усиление общественной поддержки. Но все эти с моей точки зрения возможные перспективы были, как карточный домик, опрокинуты нашими военными неудачами. Вступление России в войну, продиктованное благородным побуждением защитить свою слабую славянскую сестру, было тоже проявлением широкой русской природы. В наступившей затем гигантской мировой борьбе Россия в точном смысле слова "положила душу за други своя".

О том, как широко распространилось недовольство верховной политикой и особенностями последнего царствования к 1917 году свидетельствует не только то, что Распутин был убит аристократами, а не революционерами, но и следующая беглая ремарка Новикова: в дни февральского переворота "к Таврическому дворцу непрерывной чередой подходили депутаты, штатские и военные, для принесения принимавшим их членам Думы приветствий и обещаний верности революции. Между прочим, во главе депутации от гвардейского экипажа явился украинский красным бантом вел. князь Кирилл Владимирович, который впоследствии, в эмиграции, принял на себя императорский титул".

Было у М. Новикова и такое ощущение, что

Временное правительство могло бы остановить распад и спасти российскую демократическую государственность, если бы не его безволие и социалистические иллюзии и симпатии, не позволявшие ему решительно действовать против большевиков. Он пишет:

“Объяснять зарождение большевизма так же, как и взрыв революции, действием одной причины, исключительным влиянием отдельных лиц или каких-либо общественных группировок, совершенно неправильно. Его появление в России, а затем распространение почти по всему миру в порядке завоевания, оккупации или организации пятых колонн есть сложнейшее историко-социальное явление, над исследованием которого придется немало потрудиться будущим ученым.

Но наиболее существенными толчками к захвату власти большевиками были, как мне кажется, следующие два. Во-первых, чрезвычайное обострение продовольственного положения, с которым Временное правительство не могло справиться и которое в октябре 1917 года дошло до того, что даже картофель, этот, за недостатком муки, основной предмет питания бедной части городского населения, стал редкостью на рынках.

Другим важным обстоятельством явилась пропаганда, которая большевиками велась чрезвычайно настойчиво и искусно. Временное же правительство, упорно придерживаясь азбуки либерализма, не решалось предпринять каких-либо мер к ограничению свободы слова. Оно как будто забывало, что элемент насилия органически связан не только с войной, но и с революцией. Лишь после долгого времени, в течение которого Ленин ежедневно вдалбливал с балкона особняка Кшесинской в головы петроградского населения преимущества большевистского управления и обещал всевозможные блага жизни, т. е. открыто проповедовал ниспровержение существовавшего тогда государственного строя, был дан приказ об его аресте. Но об осуществлении этого приказа мало кто заботился, и Ленин успешно скрывался, не покидая столицы. Однажды группа членов Государственной Думы сообщила Керенскому, что Ленин в данный момент находился в здании Мариинского театра, где его легко было задержать. Но Керенский отказался сделать это”.

Пресечение деятельности большевиков, прежде всего — Ленина, не было бы борьбой против свободы слова. То, что произносил Ленин и размножали в бесчисленных печатных материалах его сторонники, было провокацией гражданской войны, откровенной подготов-

кой переворота против Временного правительства. Тем не менее социалистические сентименты и фетишизация свободы не позволили правительству себя защитить и отстоять демократию, которую его участники предлагали, предвещали, пропагандировали, которой они добились нередко весьма дорогой ценой так много лет. Обретя ее, они ее не оборонили от натиска слева. Справа натиска не было. Вопреки советской версии событий, генерал Корнилов пытался защитить не царя, находившегося под арестом, или каких-то иных претендентов на престол или на правую диктатуру, а Временное правительство. И оно его предало.

Сегодня в демократических странах исключен разговор об ограничении свободы слова. В Израиле, например, в чрезвычайных обстоятельствах еще не завершенной войны не запрещены антивоенные демонстрации, не пресекаются резко оппозиционные устные и печатные выступления, и даже встречи некоторых левых деятелей с Ясером Арафатом не влекут за собой репрессивных санкций.

Между тем, если в последовательно демократических обществах нельзя требовать ограничения свободы слова, то самый полный демократизм не лишает осаждаемую сторону права на контрпропаганду. В нынешних международных обстоятельствах осаждаемой стороной является демократия, политическая и экономическая, наступающей — коммунизм. Нападающая сторона действует в пропагандистском, тактическом и стратегическом отношении так же активно и целеустремленно, как действовали большевики в 1917 году в России. Осаждаемая же сторона так же беспомощна и пассивна во всех перечисленных отношениях, как сначала царизм, а затем российское Временное правительство в 1917 году. Усилия, затрачиваемые демократией на самозащитную контрпропаганду, смехотворны. Но если бы таковая существовала, книга М. Новикова могла бы занять в ней почетное место. По сути своей это рассказ о том, как были упущены огромной страной реальные возможности мирного поступательного развития, как, потянувшаяся за миражом идеального общественного устройства, эта страна рухнула в пропасть тоталитарной безвыходности. Разумеется, автором не исчерпана эта бездонная тема. Его скромная цель — послужить будущим историкам, современникам и потомкам, честно свидетельствуя о событиях, которым он был очевидцем. Таких свидетельств в литературе российской диаспоры множество. Да не затеряются они на чужбине. Если их родина не погубит всю Землю вместе с собой и преодолет тоталитарную безысходность, эти книги свободно и открыто вернутся домой — туда, куда сейчас они проникают лишь единицами. И это наполнит смыслом уже оборвавшиеся или еще дряхлеющие жизни их авторов.

Печатается в порядке дискуссии

А. ФЕДОСЕЕВ

БУЛЬДОЖЬЯ ХВАТКА

Приходилось ли вам пересматривать своим мысленным взором ход истории социализма в нашей стране? Не приходилось ли вам при этом поражаться буквально бульдожьей хватке, с какой социализм строился? Я не имею в виду одержимость Ленина и Сталина и их бульдожьую хватку. В огромной стране их эффект, самих по себе, как отдельных личностей, не мог быть большим, а эта социалистическая бульдожья хватка распространялась на многие и многие миллионы людей и на тысячи километров пространства.

Как появилась эта бульдожья хватка? Когда? В самом начале революции был только бешеный круговорот событий, но именно круговорот, а не последовательное и неумолимое движение страны в направлении социализма, которое появилось позднее и осуществлялось так, как будто какой-то огромный бульдог схватил страну мертвой бульдожьей хваткой и тащит ее в социализм. Тащит, несмотря на огромное же сопротивление. Этим чудовищным бульдогом не были ни Ленин, ни Сталин, ни другие вожди. В роли этого бульдога на службе вождям выступали многочисленные массы жителей страны.

Вопрос в том, что их заставило выступать в такой роли и так направленно именно в пользу советской власти, как будто в каждом сидел маленький Ленин или Сталин, которые даже не нуждались в команде и руководстве, чтобы действовать "правильно"? Сила убеждения вождей? Могущество идей социализма? Ясно, что нет.

Вернемся несколько назад. Социалистическая идея есть идея высокоорганизованного совершенного человеческого общества, основанного на принципах равенства, братства, справедливости и свободы. Возможность построения такого общества вытекала из идеи всемогущества человеческого разума, возникшей в результате огромного скачка в развитии науки и техники лет 300—400 тому назад. Огромного скачка, который обещал и в будущем самые невероятные чудеса, в воображении ставил человека с его разумом выше Бога и якобы давал человеку возможность создать рай на земле, а не на небе. По понятным причинам Бог при этом стал не только ненужным, но и вредным.

Довольно быстро социалистам стало ясно, что высокая организация будущего совершенного общества должна представлять собой систему полного единовластия, т. е. систему единой воли. На базе хаоса бесчисленных мнений и волей разных между собой миллионов людей

такую организацию не построишь. Сами понятия равенства, братства, справедливости и свободы в их бесчисленных конкретных проявлениях в жизни должны тоже толковаться по одному образцу, а не миллиардами разных способов, как это всегда делают миллионы людей разных мировоззрений и характеров. Иначе будет не высокая организация, а хаос. Судить о том, что такое равенство, братство, справедливость и свобода, и должна, следовательно, именно эта единая воля, призванная давать любому конкретному случаю одно, а не миллиард толкований. Стало ясно, что никакой агитацией и пропагандой, никаким убеждением этого сделать нельзя. Нельзя привести миллионы разных людей к необходимой для социализма одинаковости мышления и толкования понятий. Таким образом, построение социализма оказалось возможным только с применением силы, и при том силы огромной, какую ни один вождь сам по себе выделить был бы не в состоянии.

Спрашивается, что же это могла быть за сила? Массовый террор является очень эффективной такой силой. Он не только устрашает, но и сортирует людей на подходящих для социализма и неподходящих, ликвидируя последних. Но массовый террор против миллионов невозможно проводить без соответствующих миллионов исполнителей. Откуда эти миллионы исполнителей было взять? И как сделать, чтобы они, разные, в разных местах страны, в разных условиях, действовали бы в одном направлении — в пользу советской власти и построения системы единовластия социализма? А не в разные стороны, как это весьма свойственно массам?

Средство для этого вожди уже знали. Этим единственным, совершенно незаменимым и гениально придуманным средством была национализация хозяйства страны, т. е. ликвидация частной собственности и свободной торговли. Огромному же крестьянскому населению нужно было вначале обещать землю, которую следовало позднее тоже национализировать.

В условиях революции для национализации было достаточно декретов. Массы, всегда жадные до чужого, до бесплатного, немедленно бросились исполнять такие привлекательные для них декреты.

После актов национализации дальнейшие события происходят, по существу, автоматически. Прежние хозяева и организаторы жизни были ликвидированы или физически, или юридически. Хозяйство немедленно расстро-

илось и перестало работать. Крестьянское хозяйство расстроилось тоже, так как свободная торговля была запрещена как спекуляция. Началась разруха. С этого момента возврата к прежнему уже быть не может. Вместо миллионов прежних хозяев и, главное, организаторов жизни появился новый, но единственный и всеобщий хозяин и организатор жизни — большевистский вождь со своей командой. Больше было не к кому обращаться ни за советом, ни за справедливостью.

Массы попали в совершенно уникальное и любопытное положение. Им нужно было жить, т. е. есть, спать, одеваться и т. п. А хозяйство страны (без миллионов прежних хозяев и налаженного крестьянского хозяйства) ничем нужным для этого не обеспечивает. Нет ни хлеба, ни транспорта, ни энергии, ни воды, ни тепла и т. п. Возвращаться к прежнему? Невозможно. Национализировать очень просто (даже Миттерану), а вот как вернуться к частной собственности трудно даже себе представить (даже госпоже Татчер не удается).

Массам, включая крестьянские, и тем, которые "за", и тем, которые "против", ничего не оставалось, как обратить свои взоры к новой, единственной власти, ожидая от нее руководства и приведения в порядок хозяйства страны и жизни. Массы уже почувствовали, что попали в "непромокаемое". Однако больше было не к кому обращаться. Нужно было помогать новой власти создавать новый порядок. Ясно ведь, что без частной собственности и без свободной торговли старый порядок уже не мог функционировать. Хочешь — не хочешь, нужно было строить новый порядок. Податься было некуда. Получилась полная автоматика. Десятки разных партий, группировок, вождей тянут каждый в свою сторону, увеличивая замешательство и беспорядок, а с ними увеличивая до предела желание миллионных масс твердой власти и элементарного порядка. Как вы знаете, Ленин пришел "на помощь массам" и приказал ликвидировать все партии, всех вождей, всю прессу за исключением большевистских. Массы это приказание немедленно выполнили. (Любопытно, что кроме большевиков никто о таких приказах в свою пользу даже и не подумал.) Так, в результате ликвидации частной собственности и свободы торговли именно большевиками, большевики и получили власть командовать массами, превратив массы в исполнителей своей воли.

Однако для нового порядка было недостаточно ликвидировать всю "контрреволюцию". В едином общественном хозяйстве было необходимо единое управление этим хозяйством. В среде самих большевиков не было единого представления о том, куда и как вести хозяйство. Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и целая серия других вождей,

мелких и крупных, тащили страну каждый в свою сторону, создавая замешательство и беспорядок. Конечно, в таких условиях было невозможно не только единое планирование, но и самая элементарная организация. Этот хаос длился до тех пор, пока Сталин не сумел "прийти на помощь массам" и ликвидировать всех вождей. И крупных, и мелких, и даже только в зачатке, создав, конечно, руками масс, полное единовластие в аппарате управления страной. Без этой операции единое управление было бы невозможным.

Любопытно, что сталинские миллионы послушных исполнителей имеют перед собой вполне ясную и разделяемую ими задачу: построить и укрепить единственную власть в стране, чтобы она могла, как они думают, наладить хозяйство и жизнь. Миллионы же противников и просто непослушных ни к чему ясному призвать не могут, и в этом заключаются и смысл, и причина их полного бессилия. "Долой советскую власть" в этих условиях означало "долой единственную надежду на порядок, организацию и жизнь". Таким образом, декреты о ликвидации частной собственности, свободной торговли и о земле превратили кучку большевиков в единственный возможный источник твердой власти, порядка и средств существования. Без этих декретов они остались бы безвластной кучкой. Массы были вынуждены связать свою судьбу с большевиками настолько, чтобы бульдожьей хваткой строить и укреплять их власть. Больше было не с кем связывать свою судьбу. Никто, кроме большевиков, ничего хорошего не обещал, и, главное, никто не брал на себя ответственности за хорошее будущее. Хозяин и организатор жизни стал один. Все остальные исчезли.

(Представьте себе, что национализации не было и миллионы прежних хозяев и организаторов жизни действовали и обеспечивали людям их хлеб насущный. Кто бы стал слушать большевиков и зачем? Они были бы безвластны. Кстати, вынужденный НЭП показал, как быстро частная собственность и свободная торговля могут ликвидировать советскую власть, если дать им время.)

Достроив единовластие в аппарате управления страной, нужно было теперь привести и сами массы к полному послушанию единой воле. Наряду с миллионами, послушными Сталину, еще существовали другие миллионы "имеющих свое мнение" и тем нарушающих единую волю — основу социализма. Однако именно массы создают все жизненные блага и средства существования. Без их послушания в целом единой воле единое общественное хозяйство работать не может. Эти миллионы со своим "особым мнением" не могли не вносить в хозяйство определенной дезорганизации, вредили ему. Миллионы ревностных

сталинских исполнителей превосходно выполнили последнюю задачу при строительстве социализма и ликвидировали их. Полное единение было осуществлено, и социализм был построен. Огромная страна повиновалась "Великому" вождю и его команде, как огромное стадо овец повинется опытному пастуху.

Массы, построив эту твердую власть и порядок социализма, естественно, предвкушали плоды этой огромной и самоотверженной работы. Однако и Сталин уже умер, а плоды появились, но не те. Массы почувствовали, что построили вместо земного рая крошечный ад рабства и нищеты. Постепенно массам стало ясно, что они обманулись в своих ожиданиях. Социализм оказался неспособным дать ни разумный порядок, ни благополучие. Миллионы прежних эгоистических (впрочем, не более эгоистических, чем сами массы) хозяев и помещиков оказались неизмеримо лучше и человечнее, чем этот всеобщий хозяин и помещик — советская власть. Однако обратного ходу нет, и **в развитии социализма начинается новый исторический этап.** Массы постепенно перестали служить социализму и начали его теперь так же автоматически и по-бульдोजьи разрушать, как раньше по-бульдोजьи строили. Этот очень важный поворот произошел примерно в середине шестидесятых годов. С тех пор это новое, теперь разрушительное, "творчество" масс наращивает силу.

Новых вождей, новых директив и новых целей еще нет, но новая разруха, которую массы постепенно создают теперь, неизбежно приведет к их появлению.

Следует отметить очень важную характеристику ситуации. Власть вождя и его команды при социализме огромна и монопольна. Более концентрированной власти над массами за всю историю человечества не существовало. Никакого организованного сопротивления этой власти нет, и пока система социализма еще существенно не нарушена, и не может быть. Возможности власти исключительны. Вождь и его команда могут предпринимать такие действия, которые западным вождям и присниться не могли бы. Потенциальные гибкость и поворотливость системы власти социализма огромны. И вожди СССР отнюдь не дураки, как многие думают. Во всяком случае, не глупее всяких картеров, жискаргов д'эстенов и т.п.

И тем не менее, эта власть в СССР скована по рукам и ногам. Система социализма неспособна организовать массы для производительного труда. Массы разочарованы и не хотят добросовестно работать. Нет никакого интереса и даже возможности. Заменить же социализм на более производительную систему невозможно без потери власти вождем и его командой. Никогда не прекращавшаяся и

продолжающаяся и сейчас длинная серия экономических реформ либо не приводит к успеху (повышению производительности труда), либо дает небольшой эффект при большом ослаблении управления страной.

Правители сами оказались в тисках социализма. Им буквально не дыхнуть. За что ни схватятся, все не работает или грозит непоправимой потерей власти управления.

В таких условиях и вы, читатель, запросили бы статус-кво. Лучше уж ничего не менять и ждать: авось на наш век хватит. Попробовали рецепт Андропова, и пришлось Андропова убрать (одна из американских газет утверждает, что получила надежную информацию, что Андропова отравили радиоактивным стронцием-90. Это очень вероятно). Андропов оказался очень опасным для "друзей и соратников", начав "шерстить" не только низы, но и верхи, не достигнув одновременно никаких успехов.

Пришлось возвращаться к статус-кво: у брежневцев другого рецепта нет. Поставили старого и больного Черненко в вожди. Молодые и здоровые могут по неопытности и задору и "дров наломать". Опасно. Черненко даст время подумать, сообразить, сохраняя статус кво. Но надолго ли? Массы-то продолжают разрушать систему социализма, и все сильнее и сильнее. В самой бесправной стране самое бесправное население и не дает ходу самым могущественным в мире вождям. Власть начинает ускользать из рук управителей и при статус кво. Статус кво оказывается иллюзией.

Если просмотреть результаты множества постановлений "партии и правительства" в последнее время, то видно, что они перестали работать и давать эффект. (При Сталине работали безотказно.) Это значит, что не только массы, но и существенная часть аппарата управления перестала работать. Потому и статус кво не работает. Нужно что-то предпринимать, а что — неизвестно.

Вернуться к массовому террору? Нет прежних миллионов послушных исполнителей, которые для этого нужны. Тысчонку-другую расстрелять или замучить можно, но это не поможет, а на 67 миллионов, как Сталину удалось, силы нет и не будет.

Ликвидация частной собственности и свободы торговли и вызванная этим разруха в свое время сработали безотказно, организовав массы на построение рабства социализма под лозунгами будущего порядка и благополучия. Теперь те же обобществленные средства производства тоже безотказно организуют массы на разрушение социализма. Бульдोजья хватка масс и в этом случае чувствуется и не может не привести к ликвидации общественной собственности и с нею социализма.

Нам, господа читатели, остается только общественной, монопольной, корпоративной помочь массам, чем можем. В особенности собственности, которая теперь и Запад тоже советом по части альтернатив и опасностей разрушает. Но об этом в другой раз.

Послесловие. Мы печатаем статью А. Федосеева в порядке дискуссии. Мы очень ценим автора, как весьма пронизательного критика социализма, но нам думается, что в предлагаемой статье представлена слишком простая схема истории Советского Союза. Нам представляется, что автор подходит к проблеме слишком субъективно и судит по себе. Он сам долго верил в социализм и работал на него, не замечая даже арестов периода ежовщины. Он потом глубоко разочаровался в социализме, глубоко понял его принципиальную порочность. Эту схему он переносит на миллионы. Миллионы, по его мнению, при Сталине помогли социализму, все еще во что-то веря, теперь же миллионы разочаровались так же, как разочаровался сам автор. Мы по собственному опыту и наблюдению знаем, что миллионы при Сталине были не только разочарованы, но крайне против режима. Как раз война это показала. Вначале почти никто не хотел воевать, и только горькое разочарование в политике нацистской диктатуры заставило людей воевать. И все же еще в 1944 г. к Власову записался миллион молодых людей для борьбы против коммунизма.

С другой стороны, мы не можем смотреть на теперешнее положение так оптимистично, как это делает автор. Если осталось мало (хотя они есть) таких, которые верят в марксизм и коммунизм, то энтузиазм заменен привычкой, очень крепкой замазкой. Уже в период второй мировой войны почти все слои населения были против власти, кроме распухшей бюрократии. Бюрократы боялись, что другому режиму не надо будет такой огромной бюрократии, и они потеряют свои тепленькие и чистенькие местечки, что им придется работать на более "низких" работах. И теперь бюрократия, и не одна лишь партийная, этого боится. Мы не уверены, что теперь так легко было бы свалить коммунистическую диктатуру, как легко это было сделать в 1941–42 гг., если бы внешним противником, немцами, не командовал бы такой безумец и изверг, как Гитлер.

Николай ВОЕЙКОВ

ПРАВДА О МОСКОВСКОЙ РУСИ

Унаследовав от киевских князей древнее русское законодательство, Иван Грозный с помощью Земских Соборов выработал для Руси законы на основе церковных. По своей гуманности они как в XI, так и в XVI веке сильно превосходили современные им западные законы. По совершенно неуместной стыдливости или боясь чем-либо умалить "культурную Европу" наши историки и западники почти замолчали это превосходство, старательно извращенное, разумеется, советскими учеными. Поэтому считаем своевременным кое-что напомнить об этой эпохе.

История заклеила Грозного за его жестокости, хотя в его эпоху в Европе царил подлинный произвол. Королева Англии Елизавета I, преследуя католиков, допустила за свое царствование более 90 000 смертных казней; в Нидерландах свирепствовал испанский герцог Альба, вырезывая непокорных протестантов, а короли и вельможи, выжимавшие из своих рабов последние соки на роскошную жизнь и междоусобицы, держали народ в бесправии и нищете.

Московская же Русь, пережившая татарское иго и географически не защищенная от степных врагов, жила совершенно иными принципами. Напомним, что, зародившись под игом татар, Москве приходилось вести почти

непрерывную борьбу за жизнь. Как отмечает проф. Ключевский, на европейском фронте русские воевали с Ливонией и Швецией за восточные берега Балтийского моря, а с Литвой и Польшей — за искони русские земли. В период с 1492 по 1595 год Русь выдержала три войны со Швецией и семь с Польско-Литовским государством (лежавшим в каких-то 160 верстах от столицы) и Ливонским орденом. В общей сложности 50 лет войны, год воюя и год отдыхая! С юга и юго-востока шла непрерывная оборона от монгольских хищников. В 1475 г. Турция завоевала Крым и подчинила себе примыкающие к нему татарские улусы, кочевавшие в степях от Урала до нижнего Дуная. С тех пор Крым стал гнездом разбойников, нападавших на Москву, Польшу и Литву. Рать крымского хана, напавшая на Москву в 1571 г., насчитывала 120 000 воинов. Татары захватывали пленных, которых отправляли как рабов в Турцию, откуда их перепродавали купцам Венеции и Генуи, о чем пишут историки Флетчер и Михалон.

Борясь против хищников, Москва тем самым выполняла свою вековую миссию защиты Европы от Азии. Покорение Грозным Казани и Астрахани было существенной необходимостью, а кроме того, завоеванием христианской цивилизацией края, где господ-

ствовал воинствующий Ислам. В таких условиях приходилось развиваться Москве, боясь одновременно за православие и свое национальное единство*.

Несмотря на все это, задолго до "Царского Судебника" Грозного, московские государи всемерно усовершенствовали правосудие и заботились о благе народном не речами, а конкретными мероприятиями.

Издравле московские князья обращали большое внимание на децентрализованное управление. Областными наместниками были выборные, обычно из ратных людей, "кормленщики", или "волостные". При назначении кормленщик получал определенные пошлины от населения, составлявшие его "корм", или доход. Он был обязан охранять свою область, в то же время заведя судебно-административными делами в ее пределах.

Но Иван III, заметя в некоторых областях злоупотребления, в своем "Судебнике" 1497 г. ограничил власть кормленщиков и при суде их учредил обязательное присутствие **выбранных населением** "сотских, старост или лучших людей". Вскоре это принесло лучшие результаты.

На Земском Соборе 1550 г. Иван Грозный отметил новые тяжбы между правителями и земскими людьми. Для водворения порядка царь прибег к оригинальному способу, весьма характерному для Московской Руси: он "заповедал" своим боярам, приказным, и людям, и кормленщикам закончить свои служебные тяжбы с земскими людьми **мировым порядком, по-христиански**. Этот неслыханный в Европе метод принес плоды, так как на Стоглавом Соборе 1551 г. царь объявил, что должностные лица "со всеми землями помирились во всех делах"!

Кроме того напомним, что "отсталая азиатская Московия" законом гарантировала личную и имущественную неприкосновенность всех своих подданных, включая и инородцев. На Руси спокон веков существовало право обжалования незаконных поступков перед высшей властью. Неприкосновенность же личности, существовавшая в Московской Руси Ивана IV, в Англии введена была лишь законом... 1672 года ("Habeas corpus Act")...

"Судебник" 1550 г. запрещал у нас аресты виновных, покуда суд представителей областного управления не признал их виновности. Как мы видим, представители эти обязательно избирались самим народом: "старосты" и "целовальники"*** в волостях и селах и "сотские" в городах и пригородах.

Если арест производился до суда, то родственники арестованного имели право требо-

вать от старост и целовальников немедленного освобождения, а с огульно арестованных — "пеню" (штраф) "за бесчестье".

Кормленщики привлекались законом к гражданской ответственности, как и все другие подданные, если они кому-либо причинили обиду. Кроме установленных за это штрафов в пользу обиженного, кормленщики могли быть вызваны истцами на поединок — кулачный бой; истцы сражались сами или нанимали своего бойца.

Закон всячески ограждал население от хищений правителей. Система местного самоуправления "лучшими людьми" оказалась столь плодотворной, что после покорения Казани, в ноябре 1552 г., царь оповестил народ об отмене кормленщиков, запросив предварительно совета Боярской Думы. Летопись отмечает, что мера эта явилась как бы наградой неслужилому земству на радостях победоносной войны с татарами: "кормлениями государь пожаловал всю землю".

Была выработана еще более усовершенствованная система земских учреждений местного самоуправления. Земская реформа Грозного передала власть кормленщиков земским председателям, составившим самостоятельную судебную коллегию. Ведение дел легло на личную ответственность должностного лица **при мировой порuke всех**. За нечестность введена была смертная казнь "без отпросу", а имущество виновных шло в пользу пострадавших истцов!

Общество, выбравшее старосту или целовальника, отвечало за их действия, которые должны были вестись "беспосульно и безволокитно", имея в виду лишь государственное благо (Ключевский, стр. 470 и др.).

Как мы видели, выборы судей для уголовных дел, "губных старост" (от слова губить), происходили самым "демократическим" путем, при голосовании всего народа, в том числе и крестьян. Подчеркнем, что ни в одном европейском государстве население подобными правами тогда не пользовалось.

Московская Русь не знала рабства, и прикрепленные к земле крестьяне ("христиане") отнюдь не являлись холопами. Сравнение русских крестьян с их западными братьями "tailles et corveables à volonté" не в пользу европейских законов той эпохи. Наши великие князья и цари, считая себя Богом поставленными для служения народу, по традиции, восходящей к Киевской Руси, видели в крестьянах прежде всего христиан и относились к ним соответственно. На Западе и в соседней Польше для "шляхтича", а тем более для короля, каждый холоп был бесправным рабом, "быдлом", "mamant" или пушечным мясом.

Заметим тут, что русские сословия различались в Московской Руси не правами, как на

**Курс Русской Истории, Ключевский, ч.II, стр. 268 — 269.

***Т. е. чиновники, присягавшие целованием креста.

Западе, а распределенными между ними обязательствами, повинностями. Всякий должен был либо оборонять страну, либо работать, дабы кормить обороняющихся, как отмечает историк Ключевский. Как правило, внутренние нелады стухивались, когда Русь подвергалась опасности.

В древности князья даровали своим дружинникам за их службу "вотчины", т. е. земли, в полную наследственную собственность. "Поместьем" в Московской Руси называли участок земли, данной государем или церковной властью в личное владение **служилым людям под условием службы**. Это являлось одновременно наградой за службу и средством для службы*. Служба же тогда была обыкновенно пожизненной. Только в XVIII в. по законам Петра I и Анны Иоанновны поместья превратились юридически в собственность владельцев, слившись с вотчинами. Оттуда и слово "помещик", ставшее синонимом земельного собственника вместо "вотчинника".

В XVI же веке крестьянин был "вольным хлебопашцем" — понятие неслыханное на Западе. Крестьяне работали на чужой земле по договору с владельцем, имея право "выхода или отказа", т. е. перехода с одной земли на другую. "Судебник" Ивана III определил срок этих переходов в неделю до "Юрьева дня" (26 ноября) и неделю после, по окончании всех полевых работ. Борис Годунов отменил этот срок, откуда явилась поговорка: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!"

Садясь на землю, крестьянин заключал с владельцем письменный контракт — "поземельный договор", условия коего записывались в "порядных грамотах или записях". Подчеркнем, что крестьянин договаривался

* Ключевский, стр 78.

как вполне свободное юридическое лицо, равноправное с владельцем земли. "Судебник" Ивана IV подтвердил право крестьян на уход по окончании работы.

Законы эти, поражающие своей гуманностью, вошедшей на Русь в правило со времен "Русской правды", естественно произрастали благодаря наличию у нас гармонического союза между церковью и государем, так называемой "симфонии властей", унаследованной от Византии.

Этот-то православный дух справедливости и милосердия и привлекал к Московской Руси инородцев, вследствие чего, задолго до Петра, она стала фактически Империей.

Не ведая рабства, Русь не поработала иноверцев и никогда не стремилась притеснять в чем-либо национальные меньшинства. Русские никогда не презирали инородцев, считали их равноправными согражданами и оказывали приезжим чужеземцам самое радушное гостеприимство.

При Иване Грозном татары, Бекбулатовичи, Годуновы и др., равнялись уже с высшей знатью, как позже потомки кавказских князей, султанов и шахов восточных, пришедших служить Белому Царю. То же было и с бесчисленными иностранцами, особенно немцами, связавшими свою судьбу с Россией и совершенно обрусевшими через несколько поколений. Эта беспримерно быстрая ассимиляция самых разнородных этнических элементов — лучшее доказательство жизненных сил и крепости Московской Руси, только что возродившейся после татарского ига.

Недаром о периоде Московской Империи Достоевский писал как об идеале, называя его "путем, к которому мы должны вернуться после 200-летнего отсутствия".

Михаил ГОЛЬДШТЕЙН

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА

Контрасты и противоречия

Мне вспоминаются неожиданные восклицания московского композитора, профессора Анатолия Николаевича Александрова, сказанные после прослушивания 4-й симфонии Дмитрия Шостаковича: "Вот она, самая настоящая русская музыка, горькая, многострадальная, но истинно русская!" Эти слова я услышал в начале 1963 г. в Москве, в частной беседе среди своих коллег, вскоре после первого исполнения 4-й симфонии, состоявшегося 30 декабря 1962 г. в Москве, под управлением дирижера Кирилла Кондрашина. Собственно говоря, первое исполнение этого произведения должно бы состояться лет на 26 ранее, ибо Шостако-

вич закончил симфонию еще в 1936 г. Но гонения на Шостаковича, связанные с обструкцией со стороны вождей советской власти гениальной оперы "Леди Макбет Мценского уезда" ("Катерина Измайлова"), привели к запрету творчества Шостаковича. Разносные статьи в "Правде", общественное шельмование композитора, опасные обвинения в формализме и антинародности закрыли 4-й симфонии вход на концертную эстраду. Более повезло 5-й симфонии Шостаковича, когда ее милостиво разрешили представить широкой публике 21 ноября 1937 г. в Ленинграде в исполнении симфонического оркестра филармонии под управлением

Е. А. Мравинского. А 4-я симфония так и не исполнялась, словно нет ее на свете. Даже рукописная партитура 4-й симфонии таинственно исчезла и не была найдена по сей день. Случайно сохранились оркестровые голоса в нотной библиотеке Ленинградской филармонии. Они оказались весьма живучими, даже пережили блокаду, их не обратили в топливо для печей. Нашелся энтузиаст, который по отдельным партиям восстановил партитуру. Спустя девять лет после смерти Сталина оказалось возможным обнародовать это произведение. И оно сразу же вызвало огромный интерес. Цитирую отрывок из книги музыковеда Льва Данилевича "Наш современник. Творчество Шостаковича" (издательство "Музыка", Москва, 1965): "...и вот 30 декабря 1962 года в Москве "загадочная симфония" была наконец исполнена (дирижер К. Кондрашин, оркестр Московской филармонии). Симфонию слушали с напряженным вниманием, стараясь не упустить ни одного звука. И когда стих заключительный долгий и печальный аккорд, публика восторженно приветствовала автора. Огромный успех Четвертой симфонии определился сразу же после первого исполнения, несмотря на значительную сложность, остроту содержания и музыкального языка... Автор, которого упрекали за чрезмерную музыкальную "легкомысленность", создал одно из самых глубоких сочинений тех лет. Композитор, стремившийся в ряде своих произведений развлекать, смешить аудиторию, проявил себя как художник с могучим трагедийным дарованием. Как не вспомнить тут Чехова, написавшего столько юмористических рассказов, прежде чем стать автором "Палаты № 6!" (стр 49 – 50).

Прелюбопытно, что советский музыковед Г. Н. Хубов в своей статье "Жизнь прекрасна и удивительна" (опубликована в "Известиях" 17 февраля 1963 г.) написал такие слова: "...в музыке Четвертой симфонии бурлит и клокочет сама жизнь. Композитор, идейно возмужавший, одушевлен высокой целью — обнажить смысл ее движения, познать и раскрыть правду бытия... Слушая Четвертую симфонию, вы все время ощущаете громадное напряжение духовных сил художника, сосредоточенность ищущей мысли, неостывающий жар сердца. И в стремительном потоке музыки, сверкающей острыми, порой до боли острыми контрастами тем, образов, красок, ритмов, — возникает облик насыщенной драматическими событиями эпохи и многосложный мир чувствований современника". Полемизируя с Хубовым, Л. Данилевич в своей книге заметил: "Жизнь прекрасна и удивительна" — так назвал и так закончил свою статью Г. Хубов. По-моему, слова о прекрасной жизни не подходят к заключению, да и ко всей симфонии в целом. Она завершается трагически; ни одна из симфоний Шостаковича не имеет столь мрачного

окончания. Такой далеко не оптимистический итог связан с ее концепцией" (там же, стр. 51). Напомню, что на семь лет ранее Шостакович в одной из своих статей, опубликованных в "Правде", писал: "Догматики чрезвычайно превратно толкуют область трагедийного в искусстве, примитивно отождествляя трагедию с пессимизмом" (17 июня 1956 г.). Словом, само понятие трагедии, да еще в музыкальном произведении советского композитора, уже настораживает. Нетрудно вообразить, какова была бы реакция самого Сталина и его подручных, если бы 4-я симфония Шостаковича прозвучала, скажем, в 1937 году, когда на фоне великого террора и сталинской инквизиции распространялись слова великого кормчего: "Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи!"

В начале своей статьи я упомянул композитора Анатолия Николаевича Александрова, родившегося в 1888 году, ученика С. И. Танеева. В свою очередь, Танеев был воспитанником П. И. Чайковского. Судя по выдающимся произведениям Анатолия Александрова, я имею основание утверждать, что он хорошо отличал русскую музыку от советской. Коль зашла речь о произведениях Анатолия Александрова, невольно вызывает удивление, что они малоизвестны. Ну кто знает его оперу "Два мира" (по А. Майкову), сочиненную в 1916 г.? Кому известны его очаровательные "Александрийские песни" на стихи М. Кузмина? Или "Отблески времени" на стихи В. А. Соловьева? Оказывается, что не все произведения Анатолия Александрова "созвучны советской эпохе". Этот критерий о "советском созвучии" стал в СССР железным принципом отбора и отсева. Благодаря этому принципу мы и устанавливаем, какое музыкальное произведение можно считать русским, а какое — советским. Собственно, это понято в СССР с предельной ясностью. За примерами далеко ходить не надо.

Оказывается, что не все произведения советских композиторов возможно считать советскими. Советская музыкальная цензура это показывает достаточно наглядно. Многократно награжденный значками лауреата сталинской премии композитор С. С. Прокофьев так и не увидел при своей жизни в СССР свою оперу "Игрок" на сюжет Ф. Достоевского. Еще до октябрьского переворота собирались поставить оперу "Игрок" в Мариинском театре. Заключили контракт с композитором. Однако не успели осуществить постановку. А после октября 1917 начался отсев произведений по идеологическим соображениям. В дальнейшем, в середине двадцатых годов, при НЭПе, В. Мейерхольду удалось уговорить дирекцию бывшего Мариинского театра в необходимости исполнить оперу "Игрок". К тому же за границей Прокофьева называли "красным композито-

ром", "большевиком в музыке". Мейерхольд выступал в печати, рассказывая о подготовке постановки "Игрока". В своей автобиографии Прокофьев рассказал: "Поскольку желание Ленинграда поставить "Игрока" постепенно заглохло, первая постановка его произошла 29 апреля 1929 г. в Брюсселе, где оперный театр, хотя и скромный по своим возможностям, считался носителем передовых идей. Постановка была тщательная, опера имела успех и держалась в репертуаре два года. Для меня главным удовлетворением было то, что драматическое напряжение постепенно возрастало и не прекращалось до самого конца. Критики в общем были благосклонны, а иные слегка хваляли через край. "Слушая "Игрока", — писал один из них, — испытываешь удовольствие, аналогичное, но в современных формах, тому, которое получаешь от музыки Моцарта" (цитирую по книге "С. С. Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания". Гос. музыкальное издательство, Москва, 1961, стр. 183). Нетрудно сообразить, что Прокофьев не мог до конца раскрыть тайну "Игрока" для советской книги, которая проходит сквозь строй цензуры. Впрочем, заметим, что далеко не все произведения Прокофьева исполняются в СССР, особенно из его эмигрантского периода. Эти русские музыкальные произведения "не подходят" для советских людей. А вот и такой пример с неоконченной оперой Шостаковича "Игроки" по Гоголю. Эту оперу завершил польский композитор Кшиштоф Майер, большой друг Шостаковича, автор ценной книги о нем, в которой проанализировал творчество композитора. Казалось бы что первая постановка такой оперы должна состояться именно в Москве, да еще в Большом театре. Но это только казалось. Премьера состоялась в 1982 г. в западногерманском городе Вуппертале, да еще на немецком языке. В прошедшем 1983 г. оперу Шостаковича "Игроки" показали в Польше на фестивале "Варшавская осень", но опять на немецком языке, ибо ее представил оперный театр из Вуппертала.

Хочу вспомнить, что даже обласканный Сталиным композитор Александр Васильевич Александров, создатель первого в советской армии ансамбля песни и пляски, не раз воспевавший в своих песнях Сталина, автор гимна СССР, имеет, по советским понятиям, явные грехи. К числу таких грехов относится его "Поэма для солистов, хора, оркестра и органа "Христос воскрес!", созданная в 1921 г., да еще на текст Д. Мережковского. Быть может, мне не поверят, что существует такое произведение у автора гимна СССР. Но в 1980 г. в московском издательстве "Советский композитор" вышел нотобиблиографический справочник "А. Александров". Составил его сын, Ю. А. Александров.

На стр. 26, в перечне произведений А. В. Александрова, упомянута поэма "Христос воскрес!" Также упомянута его увертюра-поэма "Смерть и жизнь", созданная для симфонического оркестра в 1911 году и имеющая явно религиозный оттенок.

Немало есть примеров осовечивания произведений русской музыкальной классики. М. И. Глинка написал оперу "Жизнь за царя". Даже если бы не было такого названия, само содержание оперы говорит о подвиге крестьянина Ивана Сусанина во имя спасения жизни русского царя. А заключительный хор оперы основан на торжественных словах — "Славься, великий наш русский царь, славься, великий наш царь-государь!" В музыке это особенно ярко слышится. Но для постановки оперы в советском театре был заменен текст советским поэтом (наполовину советским?) С. М. Городецким. Опера получила новое название "Иван Сусанин". Так ее после долгого перерыва поставили в Большом театре в 1939 году, и поныне она составляет гордость репертуара советских оперных театров. Однако новый текст не дает полного ответа, почему Иван Сусанин пожертвовал своей жизнью. Во имя кого? Любопытно заметить, что еще в 1924 г. в Одессе и потом в Баку (в 1926 г.) поставили оперу "За серп и молот", либретто некоего Н. А. Крашениникова, на музыку М. И. Глинки. Оказалось, что это была литературная переработка "Жизни за царя". Среди действующих лиц был красноармеец Гребенюк.

Или еще подвергли осовечиванию знаменитую увертюру П. И. Чайковского "1812 год". Композитор использовал в этой увертюре гимн "Боже, царя храни", что вполне соответствовало патриотическому настроению этой торжественной увертюры. Но чтобы исполнить ее в СССР, пришлось сделать хирургическую операцию, и вместо "Боже, царя храни" вмонтировали музыку хора "Славься" из "Жизни за царя", т. е., на советском языке, из "Ивана Сусанина".

Чем же отличается советская музыка от русской? Этот вопрос задают многие. Часто и у меня спрашивают. Мое постоянное общение с аудиторией различных стран, моя концертная деятельность дают повод для подобных вопросов. Ведь мне хорошо известно это различие. Самый короткий ответ напрашивается сам собой. Русская музыка — это яркий пример свободного выражения творческого духа, отражение реального бытия, слияние с жизнью русского народа. А советская музыка — это слуга коммунистической партии, приспособляемая для идеологического воспитания порабощенного народа в духе преданности угнетателям, лишенная творческого духа, основанная на догматических принципах композиционного трафарета,

порабощенная тематической зависимостью. Да еще советской музыке придается политическое назначение, она рассматривается в качестве идеологического оружия. Отсюда строжайшая охрана границ советской музыки от свободомыслия, от творческих новаций. Словом, различие самое антагонистическое. Это понятно не только музыкантам, но и тем, кто интересуется музыкальной жизнью в СССР. Практически центр русской музыкальной культуры переместился за пределы СССР. Когда мы говорим о лучших представителях русской музыкальной культуры, мы называем Игоря Стравинского, Сергея Рахманинова, Александра Глазунова, Александра Гречанинова, Федора Шаляпина, Сергея Кусевицкого, многих знаменитых виртуозов родом из России. Но они оказались в эмиграции. Именно это обстоятельство их спасло для русской музыки. А в наши дни среди эмигрантов Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, которые и в свою бытность в СССР ярко доказывали преданность русскому музыкальному искусству. В числе эмигрантов последнего времени оказались дирижер Максим Шостакович и его сын пианист Дмитрий Шостакович, скрипачка Виктория Муллова. Да

всех знаменитых эмигрантов в области музыки не перечислишь.

В рамках небольшой статьи трудно дать широкий аспект различий между русским и советским в музыке. Да еще некоторые склонны к искусственной, неестественной гибридизации этих полярно противоположных понятий. В музыке, как и в литературе, в изобразительном искусстве, очень рельефно подчеркиваются различия между русским и советским. И нелепо, когда слушая подлинно русскую музыку в исполнении и в традициях русской культуры, отождествляют ее с советской. И наоборот, когда явно советское, с его типичным политическим запахом, объявляется русским. Нельзя путать гуманное с антигуманным. Слово "мир" слишком часто повторяется в творчестве советских композиторов, особенно в их массовых песнях. Но аккомпанемент у этих песен явно артиллерийского звучания, наполненный скрежетом танковых гусениц и залпами пушек. Аккорды взрывов ракет и снарядов выдаются за мирные намерения. А это целиком и полностью противоречит душевному складу истинно русской музыки.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Общедоступная религиозная беседа

В одном из недавних номеров журнала мы говорили об осуждении и оправдании человека человеком. Мы обращали внимание наших читателей на то, что в каждом человеке имеются и хорошие и дурные черты. Мы призывали обращать внимание в первую очередь на положительные стороны человеческой личности и в своих оценках людей концентрировать внимание именно на них. Что же касается отрицательных сторон человеческой души, то мы, отбрасывая огульное осуждение, призывали быть крайне осторожными в суждениях в данной, весьма деликатной и далеко не всегда ясной для посторонних области душевной жизни человека.

Все это верно, но вызывает ряд дополнительных вопросов, неизбежно возникающих при обдумывании затронутой проблемы. В своей жизни мы также сталкиваемся с людьми не просто имеющими какие-то отдельные недостатки в области душевной и духовной жизни, но и с людьми, страдающими ярко выраженными пороками. Это уже особая стадия человеческой греховности, выходящая за рамки всего сказанного нами на страницах нашего журнала (№ 31). Как быть и поступать в этих случаях? Мы видим и встречаемся в жизни, например, с безнадежными алкоголи-

ками, погрязшими в пьянстве, которое не заметить нельзя. Пройти мимо? Нет, не проходить и даже совершенно отчетливо констатировать его сугубо греховное состояние. Заметить; если представляется реальная возможность, — помочь ему, но не осуждать. Надо понять также этого человека, так как алкоголизм без причины не возникает и не развивается. А причин бывает великое множество, особенно у людей, живущих в странах тоталитарных режимов, усиленно душащих проявление духовной свободы человека. Не является ли иногда алкоголизм результатом духовного ущемления личности? Надо во всем этом разобраться, но ни в коем случае не осуждать, не докопавшись до конца в происхождении. Надо сожалеть о таких людях, стараться благостно к ним относиться, памятуя, что и они — подобие Божие, хотя и безудержно искаженное грехом.

Надо также учитывать еще один момент. Нередко под уродливой личиной алкоголизма мы обнаруживаем хороших, добрых, благородных людей, обладающих многими положительными душевными качествами, затуменованными и поврежденными алкоголем. Здесь мы присутствуем при человеческой трагедии, не поддающейся ни осуждению, ни оправда-

чию, но требующей помощи и сожаления. **Надо уметь отделять отдельные проступки и паде-ния человека от его целостного образа**, созданного промыслительно для определенной таинственной и не всегда понятной нам цели, и уметь правильно оценить и взвесить их во взаимодействии с ним, отделяя ту или иную греховную немощь от всего остального.

Но есть вещи похуже алкоголизма. Кто не осудит такой страшный грех, как убийство, лишение человека жизни, данной ему Богом для определенной цели в деле Божьего домостроительства? Кто не ужаснется страшной волне предательства, которая бушует едва ли не во всем мире, получив особенное и специфическое развитие в странах коммунистического блока? Предательство является в ряде случаев таким же страшным грехом, как и убийство человека. Предательство — **это духовное убийство**, уничтожающее веру в человека, в его достоинство, убивающее доверие человека к человеку. Страшное явление — предательство. А когда оно получает государственное одобрение и из греха возводится в дело доблести и едва ли не героизма, то мы являемся свидетелями дьявольского наваждения, охватившего целые слои, например, советского общества. Как христианину относиться к предателям, уподобляющимся Иуде Искаротскому? Есть предатели, убежденные в правоте и правомерности своей “деятельности”, духовно умершие, не понимающие своей греховности, забывшие Бога и ослепленные всякого рода более чем сомнительными суррогатами, вроде пресловутой коммунистической “этики”, практически отвергающей настоящую этику. Эти люди заслуживают самого сурового обличения и соответствующей оценки их поведения. Предатели исключают себя из общества живых, если на них не действуют беззлые, но справедливые обличения. А на людей, погрязших в предательстве, эти обличения не действуют, за исключением очень редких случаев. Но и редкие случаи не должны выпадать из нашего поля зрения.

Другое дело — отдельные факты произвольного и непроизвольного предательства. Относится это в первую очередь к коммунистическим странам. Вызвали в “органы”, напугали, испугался человек, сам того не сознавая, наболтал лишнего. Понял потом и пришел в ужас от своего поведения. Типичный случай случайного предательства, отнюдь не запланированного. В беседах с малознакомыми людьми, под рюмку водки, сболтнул и создал для знакомых людей весьма неприятную ситуацию. Эти случаи, которые мы квалифицируем, как непроизвольные, случайные, являются весьма греховными. Но поскольку они делаются людьми, часто весьма неплохими, но растерявшимися в неужи-

данной ситуации или просто болтливыми, мы к ним относимся по-другому. Здесь уместно спокойное обличение, спокойный разговор, дружеское откровенное раскрытие греховной сущности подобного рода поступков. Если такие поступки, оказывается, совершил человек, считающий себя верующим, то такая реакция может считаться нормой по отношению к нему.

Страшное дело — предательство, выражающееся часто в доносах и доносиках на своих знакомых, друзей и даже близких. Но всегда надо детально разобраться в происшедшем, понять причины случившегося и только после этого сделать соответствующие выводы. Откинуть раз навсегда все дьявольское, исходящее из сломленных и целиком подчинившихся темным силам душ, и проявить понимание и милосердие к случайно попавшим в эту отвратительную ситуацию. Нам могут возразить: христианство учит прощать и любить врагов своих. Совершенно верно. Но в Евангелии речь идет о людях, согрешивших против нас, враждующих с нами по какой-то причине, зависящей или не зависящей от нас. Но христианство никогда не учило любить и прощать дьявольские силы, орудующие в этом мире, и благоволить к служителям сатаны, подвизающимся рядом с нами. “Отойди от Меня сатана; написано: “Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи” (Лука, IV, 8). Господь в Иудейской пустыне не уговаривает дьявола, не пытается даже с ним разговаривать, а, прослушав его, говорит: “Отойди!” Так должны поступать и мы. Нельзя представлять себе христианство во всех его модификациях, как нечто “розовенькое”, не противляющееся злу. Так, например, представлял себе христианство Толстой, и в этом была его кардинальная ошибка. Эту же ошибку делают некоторые протестантские группировки и в наши дни. Христианство полно милосердия и любви к людям, но христианство сурово воинствует против дьявольских сил, восставших на Бога, на Христа и Его Церковь. Ни о каком непротивлении “большому” злу не может быть и речи. Под “большим” злом в данном случае мы понимаем отнюдь не область наших личных отношений с людьми, а нечто совсем другое. Речь идет о глобальном воинствующем зле, борющемся с Христом в мировых, государственных или даже групповых масштабах, имеющем принципиальное и практическое значение. Иногда такое глобальное зло передается через отдельных лиц, концентрируясь в них (как, например Ленин, ненавидевший религию), и в этих случаях, как и в ряде других, христианство призывает к борьбе, вплоть до применения силы, если в этом будет необходимость. Это уже особый вопрос, требующий и особого рассмотрения.

Христианская Церковь была, есть и будет всегда Церковью воинствующей на зло. Этот принцип воинствующей Церкви переносится и на наши отношения с людьми. От братской любви, дружеской помощи, понимания и прощения до непримиримой позиции, подкрепленной соответствующими действиями в смысле отстранения тех или иных лиц от общения с верными, — такова наша позиция, испытанная многовековой практикой. Отсюда вытекает и наше отношение к войне, не имеющее ничего общего с постановкой данного вопроса в миротворческих и главным образом протестантских кругах. Оно глубоко обосновано и лишено как наивного розового пацифизма, так и какой-либо воинственности

или агрессивности. Позиция преподобного Сергия Радонежского, благословившего великого князя на ратный подвиг, остается классической для понимания православной позиции в данном вопросе.

Человек стоит между небом и плотским животным миром. Его дорога — наверх, к небу. Но он свободен и может, если хочет, опуститься вниз, превратиться в животное, а иногда в нечто худшее многих животных, превратиться в слугителя темных сил. Пока есть надежда на его спасение, все силы должны быть направлены на помощь ему. Но если этой надежды нет, то надо отступить от него, предав его судьбу на волю сил, которым он служит.

Печатается в порядке дискуссии

В. КОБЫЛИН

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Для того, чтобы говорить о нашей цивилизации, нужно прежде всего дать точное определение этому явлению и пристальной рассмотреть истоки его. Конечно, в журнальной статье можно только бегло коснуться развития того, что мы называем цивилизацией. Между прочим, все толковые словари дают крайне расплывчатое определение цивилизации. Корнем этого слова является латинское слово — *civilis*, что значит (по словарям) "имеющее отношение к гражданину", без того, чтобы объяснить, что же это такое — гражданин. По словарям, гражданин — это обладающий правами житель города. Следовательно, цивилизация — это развитие прав и обязанностей человека в отношении государства и общества, а также, конечно, развитие и науки, искусства, развитие культурных начинаний. Культура же (лат. *cultura*) — это деятельность, направленная к развитию чего-либо: идей, нравственного начала; культура — это создание этических и материальных ценностей.

Это "словарные" толкования. По нашему личному убеждению, как цивилизация, так и культура — это постепенно развивающееся общество людей, стремящихся достичь совершенствования в разных областях деятельности человечества. Причем цивилизация носит более формальный характер, в то время как культура — это направление к достижению этических форм.

Для рассмотрения того, как развивалась цивилизация на нашей планете, нужно начать с весьма отдаленных времен, чтобы хотя бы поверхностно показать этот процесс.

Духовные события совершаются в ритмической последовательности. Отдельные эпохи вырисовываются с теми резко выраженными и существенными для них чертами, ко-

торые определяют как духовный облик общества, так и духовный облик отдельных личностей. Основные душевные прообразы, с резко очерченным характером, в постоянной смене следуя один за другим, стремятся найти свое воплощение в живом человеческом поколении. Развитие каждого из этих прототипов и его борьба против своих предшественников и последователей и придает истории культуры ритм и часть ее напряженности и противоречий.

Самой старой книгой, которая говорит о развитии человека, является Библия. Не вдаваясь в религиозные события, которые составляют содержание Священного Писания, во всех книгах Библии есть немало указаний на то, как развивались отношения между людьми, как росло самосознание народов и как укреплялись познания и их применение в жизни человека.

Культура Древнего Востока дала человечеству несколько имен, которые были основанием для последующего развития, но ни Хаммураби, ни Конфуций, ни Лаоцзе не стояли у колыбели человеческой культуры. Эту роль сыграли греки и римляне.

По-настоящему фундамент нашей цивилизации был заложен греками. Греки дали целую плеяду блестящих имен в области философии, науки и искусства. Одно перечисление имен заняло бы много места. Укажем самые известные, которые были и остались до наших дней ведущими авторитетами. Это Сократ, Платон, Аристотель, Геродот, Архимед и другие.

Часто говорят, что Рим и Эллада суть органы и части одной и той же культуры. Но это не совсем так. Эллада (Греция) олицетворяет гармонический, а Рим — героический

принцип. Римское правовое мышление и строгость норм не соответствуют греческому духу. Но даже в архитектуре отражается противоположное жизнеощущение. Римляне, в противоположность грекам, не выдвинули никакой философии, они юристы даже тогда, когда занимаются философией. Это народ государственных чиновников и солдат.

Греция пользовалась плодами азиатского Востока: Дионисий, "отец трагедии", пришел из Самофракии. Без восточного влияния нельзя себе представить ни пифагорейцев, ни Платона, ни неоплатонизм. Рим же никогда не понимал Востока. Но влияние Рима на западноевропейские народы огромно. Эти народы несут в себе черты этого влияния через римское право. Наряду с Реформацией и Ренессансом, римское право является большим культурным процессом, отмечающим особое мироощущение.

Во времена христианского средневековья было создано единство Запада, понятием и ощущением которого была Европа. Это время называется также готической эпохой. Ведущим слоем, охранявшим это единство, было духовенство. Национальных государств тогда не было, и люди принадлежали, в качестве непосредственных сочленов, всеобъемлющей христианской культурной общине. Каждый чувствовал себя включенным в бесконечное пространство вечности, и это давало чувство обеспеченности и мира. Результатом такого мироощущения явились средневековые готические соборы, создававшиеся многими поколениями. Человеку готической эпохи далеки эволюционная идея и вера в человеческий прогресс. Весь мир считался совершенным. Смысл жизни заключался в созерцании этого мира и прославлении его Творца. Желание изменить этот мир или даже мысль о подобной возможности считались бы дерзостью и грехом. Христианские ценности были абсолютны и действительны на вечные времена. Социальная иерархия неизменна. Каждый должен был довольствоваться местом, которое он занимает.

Этой эпохе не свойственна жажда власти, взаимная конкуренция, а потому отсутствуют революции и перевороты в мышлении. Человеку дано твердо ограниченное и неувеличиваемое знание. Знание же не сила, а средство к спасению и освящению души. Готический человек имел свой рационализм в схоластике. Целью схоластики было согласование христианского богословия с античной философией. Жизненное чувство готического человека гармонично. Бытие для него не было сомнительным, он не знал сомнений. Он видел смысл во всем, даже в страдании.

Но вот наступает Реформация. Это самое выдающееся и вместе с тем роковое событие той эпохи. Она знаменует собой рождение

нового мироощущения. Человек эпохи Реформации впервые переживает не весь мир и не Бога, а себя. Он начинает чувствовать себя как центр всего.

Нового человека прельщает не самопожертвование, а самоутверждение. Его основным чувством является боязнь своего одиночества, им овладевает страх и исчезает доверие. Его обуревают жажда власти, он сменяет благоговение на гордость. У него появляется жажда и воля к власти.

Его основное ощущение колеблется между недоверием, страхом и высокомерием. Мир теряет свое единство и открывает себя силам распада.

В протестантизме развился постепенно взгляд, что религия есть только частное дело каждого. Таким образом, религия отделяется от целого, а затем подвергается презрению.

Человек Средних Веков видел в мире действие вечных формирующих сил Бога и Его вечной иерархии ценностей. Но под давлением нового мироощущения меняется весь облик мира. Стремление к раздроблению, тяга к земле и к временному взаимно связаны и обуславливают одно другое. Священная Римская Империя распадается на государства, государства на племена и классы, классы на существа, существа — на тело и душу, душа — на рассудок, а тело — на свои клетки. И хуже всего — разделение Бога и мира.

Реформация привела к разделению в человеке двух сфер — для Бога и для мира. Из-за этого теряется единство души. Религия уходит в частную жизнь.

Новый дух вошел в Европу через Реформацию и через Ренессанс. Новый человек стремится изо всех сил исключить чудо и случай, разложить иррациональное на осязаемые величины и подчинить себе весь мир. Он смотрит на мир как на подлежащее овладению, как на разрешимое, как на математическую задачу. Он не понимает, что мир — это мистерия, перед которой подобает молчание. В его глазах религиозное знание примитивно, он предпочитает все позитивно-техническое.

Вместе с падением религии падают и социальные различия и связи. С тех пор, как французская революция разрушила старый сословный порядок, для либерализма открылся свободный путь. Появилось освобождение соревнования друг с другом конкурирующих личностей, что повело к разложению общества. И тогда появляется государство насилия, в котором человечество ищет спасения от хаоса. Новый человек потерял духовную установку в жизни. Склонный к власти материального порядка, он в конце концов подчинился силам земли и стал рабом материи.

Но ко всему этому прибавился новый фак-

тор, который стал играть большую роль, — чрезвычайно увеличение населения нашей планеты. Благодаря открытиям во многих областях человеческой деятельности, гигиенические и санитарные условия, а также успехи в области медицины привели к сокращению смертности, и за последние сто лет население земли удвоилось.

В настоящее время наши города переполнены людьми. Раньше никогда и нигде не было такого переполнения. Но еще интереснее то, что это переполнение происходит за счет, так сказать, масс, или "людей с улицы". Эти массы противопоставляются тому, что раньше называлось "обществом".

Толпа есть понятие количественное и видимое. Выражаясь же "социологически", — это социальные массы.

Масса — это люди без квалификации. Это не рабочие, не пролетариат. Массу составляет средний, заурядный человек. Это социальный признак человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других людей. Принадлежность к массе является психологическим признаком. О каждом отдельном человеке можно сказать, принадлежит ли он к массе или нет. Человек массы чувствует, что он — "как все остальные" и никак этим не гордится.

Но массы решили двинуться, так сказать, на авансцену современной жизни, использовать достижения техники и наслаждаться всем тем, что раньше было предоставлено лишь немногим.

И здесь, например, в Соединенных Штатах, царит неписаное правило: "надо быть как все, нельзя выделяться!"*

Слово "массы" можно заменить словом

* Об этом горько сожалел еще в прошлом веке John Stuart Mill в своей книге "On Liberty". (Прим. ред.)

Е. КАРМАЗИН

ПАМЯТИ МИХАИЛА ДЕМИНА

26 марта 1984 г. в Париже внезапно скончался большой русский писатель Михаил Демин (Юрий Евгеньевич Трифонов). Ему не исполнилось еще 58 лет. А позади у него были 8 лет тюрьмы и лагерей, долгие годы ссылок и скитаний и — вдруг, в годы хрущевской оттепели, — реабилитация и официальное признание в Союзе писателей в Москве. А затем — внезапный уход, статус невозвращенца, 15 лет очень нелегкой жизни в эмиграции и — книги: блистательная автобиографическая трилогия и превосходные приключенческие романы.

Читатели "Голоса Зарубежья" знакомы с моей статьей в 27 номере журнала о романе

"Обыватели". Уравнение людей в правах имело целью внедрить чувство собственного достоинства и независимости. Происходит выравнивание прав, культуры, классов, пола. Но современный человек не хочет считаться с каким-либо авторитетом. Он никогда не признает над собой чужого авторитета, пока обстоятельства его к этому не принудят. Вся наша общественная жизнь подпадает под этот новый феномен. В общественной жизни упраздняется хорошее воспитание. В отношениях между мужчиной и женщиной появляется распушенность.

Все заключается в одном слове — цивилизация. Все служит к тому, чтобы сделать общественную жизнь возможно более легкой и приятной. Появляется так называемый "самодовольный человек". Жизнь этого человека состоит в том, чтобы делать только то, что ему нравится. Помимо этого, специализация создает новых людей. Специалист очень хорошо "знает" лишь свой незначительный участок вселенной. Но он ровно ничего не знает обо всем остальном. Цивилизация, дав ему специальность, сделала его самодовольным и замкнутым в своих пределах. Результатом такой специализации является тот факт, что сегодня "ученых" больше, чем когда-либо, однако подлинно образованных людей сейчас гораздо меньше, чем раньше.

Наш мир переживает сейчас тяжелый моральный кризис, ярким признаком которого является "воцарение обывателя", а причиной — моральное разложение. Наше настоящее бытие есть плод междуцарствия между двумя историческими эпохами мирового господства: той, что была, и той, что придет. По самой сути своей наша эпоха носит временный характер. Но человек, который обходится без морали, является отрицательным типом. Вся наша настоящая цивилизация являет собой плод духовного перерождения.

М. Демина "Блатной". Мы познакомились с Мишей Деминым осенью 1981 года на одном из замечательных вечеров в Монжероне (под Парижем), организованных Александром Гинзбургом (встречи эти тоже, к сожалению, угасли...). Последний раз я видел его 18 марта. Мы говорили с Мишей о недавно вышедшей в "Руссике", в Нью-Йорке, его книге "Перекрестки судеб". На столе у него лежала готовая рукопись второй части трилогии (продолжения "Блатного"), которую Демин должен был в ближайшие дни отправить в "Руссику" для издания. А одну из глав, сказал Миша, я пошлю в "Голос Зарубежья". На прощанье он ска-

зал мне: "Запиши адрес "Руссики", вдруг меня не будет здесь". А через три дня он потерял сознание... В воскресенье, 25 марта, мы с другом Демина Анатолием Путилиным, известным художником, пытались взглянуть на Мишу в госпитале Сент-Антуан, но нам сказали, что больной все время без сознания, состояние тяжелое, и видеть его нельзя... Той же ночью он скончался...

Мы часто говорили с Деминым о судьбе и долге. Жилось ему в эмиграции очень трудно. Ставки в университете или где-либо еще у него не было. И хотя он совершил невозможное — его книги переводились на десятки иностранных языков, — он с трудом находил деньги для оплаты за квартиру, и бедность все более подступала к горлу. Но только здесь, по эту сторону занавеса, талант Демина воплотился в книги, а долг перед злодеяниями сталинского режима был выполнен.

Трудно определить место М. Демина среди современных русских прозаиков. Критика, которая обычно действует по клановому принципу, его обходила — как это нередко бывает с истинными талантами. Авангардизм и псевдоисторические монологи заполняют ныне книжный рынок. Книги Демина, наоборот, продолжают классическую традицию русской литературы. В русле этих традиций по ту сторону занавеса прежде всего вспоминаются романы Юрия Трифонова (кстати говоря, двоюродного брата Демина), тоже безвременно скончавшегося. По нашу сторону можно сослаться лишь на прославленные романы Максимова (но, к сожалению, "Континент" о Демине не писал и его не печатал, занятый всего более Алешковским и Аксеновым).

Книги Демина только начинают доходить до русского читателя. Пока изданы лишь две. Поговорим здесь о второй книге, вышедшей недавно*. "Перекрестки судеб" — это политический детектив, почти единственный в своем роде. Кроме него можно назвать лишь превосходный роман Незнанского и Тополя "Журналист для Брежнева". Книга Демина, однако, отличается своим гуманизмом. Парадоксальным образом, написанная, казалось бы, о блатных, книга эта — призыв к чести и справедливости и незаглушимый протест против тоталитарной власти и бесчестных поступков. "Забывается в нашей жизни многое, — пишет автор. — Но обиды, нам нанесенные, — никогда! Они таятся, прячутся, как огонь под пеплом... И стоит только этот пепел разворошить, как вырывается пламя — и вновь обжигает душу... Есть вещи, которые судьба не прощает, за которые она наказывает. И сильнее всего она карает за подлость и за глупость".

"Перекрестки судеб" — это не автобиографический роман, это остросюжетные повести с

неожиданными поворотами и энциклопедическими фактами, незаметно вставленными в текст к немалому интересу для читателя. Уже этим книга резко отличается от рыночных романов, где сюжет выброшен за борт, как допотопное понятие, а факты тасуются, как игральные карты, в стиле Министерства правды Орвелла. (И читать эти рекламные поделки поэтому нестерпимо скучно.)

Однако исследователя ждут здесь немалые находки и в подтексте. Главный герой "Перекрестков" — Игорь Белявский по кличке "Интеллигент". Белявский — это, конечно, не Демина. Но откроем роман "Блатной". На стр. 64 сообщается, что девичья фамилия матери Демина — Белявская. На стр. 53 один из противников автобиографического героя книги обращается к нему со словами: "Верно я говорю, интеллигент?" Дав Игорю в "Перекрестках" почти свои фамилию и кличку, Демина, вероятно, вложил в него и кое-что из своих мыслей.

В авторском предисловии (где автор, разумеется, еще один литературный персонаж, как в "Максим Максимыч" Лермонтова) Демина пишет следующее: "По существу — это повесть об одиночестве. И еще о роли Случая. О Случае, который подстерегает нас на каждом шагу и, порою, — неотвратимо и стремительно — меняет нашу судьбу. И не всегда, далеко не всегда дано нам знать заранее, что он несет нам... Его недолюбливали здесь — это чувствовалось. Люди вообще не любят непонятного... В жизни бывают минуты, когда груз пережитого становится непереносимым. Душа как бы пробуждается от опьянения и ищет возможности раскрыться... То, что я услышал, наполнило меня печалью и удивлением..." Трудно не услышать здесь интонации самого автора, а не только лирического героя. Примерно то же думает и загнанный в тупик Игорь Белявский. "Все эти сны, по существу, говорят об одном. Они являют ему один лишь образ — грозный, погибельный образ одиночества. Теперь же сроки не имели значения. То, что время не принесит избавления, что оно, само по себе, действует губительно, и рассчитывать на него нельзя — это Игорь знал". И в другом месте: "Что он значил, этот сон? Бескровное, бледное, омраченное солнце, пустые глазницы окон, улицы, лишённые теней. Призрачный мир! Как после атомной войны... Что это — намек на грозящие бедствия? Или просто — символ одиночества?"

Существует мнение, что Демина идеализировал блатных. Откроем "Перекрестки судеб": "Воровской досуг — стереотипен. Он заполнен хмелем, марафетной мутью, надрывным и бесшабашным разгулом. Разгул этот истеричен; он всегда — на пределе. Нигде не развлекаются так отчаянно, не пьют так горько, как в сумрачном подпольном этом мире. Жестокая

* М. Демина. "Перекрестки судеб", "Руссика", 1983, 310 стр., \$ 17.00.

жизнь требует разрядки. Душа, изнемогающая от вечных тревог, упорно ищет утех, забытия и подчеркнутого веселья". И далее: "В нелепой этой жизни, безумной и бедственной... На перекрестках, имя которым железнодорожные станции, веет древний бродячий дух. И для бездомных, тоскующих и ищущих — для всех, кто преступил черту оседлости — российский вокзал вечно будет последним прибежищем и укрывом... Досаду на себя, на судьбу свою — на проклятую свою судьбу — и на всю эту жизнь... Типичные урки — свирепые, безжалостные, не знающие колебаний..."

В судьбе героев "Перекрестков" Демин не менее ясно рисует блатной мир: "Игорь думал о том, что судьба всегда почему-то идет наперекор его стремлениям, разрушает все его мысли и планы... Заячья Губа привык всегда, во всем полагаться только на свою смекалку, на свою хитрость и злость. И твердо верил, что в жизни выигрывает лишь тот, кто способен сильнее ударить и быстрее нажать курок... Игорь отозвался: судьба иногда карает, наказывает. А насчет того, что тебе на все плевать — поостерегись маленько... Весь день Интеллигент провел в душевных метаниях: передавались какие-то жуткие подробности о Заячьей Губе... Малыш обладал характером недоверчивым, мрачным и мстительным. И имелась у него еще одна, особенно опасная черта. Если случалась какая-либо неудача, он тут же начинал искать виноватого. Себя лично он никогда ни в чем не винил!.. Малыш прыгнул в сторону — и вот тут он допустил последнюю свою ошибку..."

Теперь, когда Демина нет, нельзя не отметить здесь замечания Льва Консона. В своей книге "Краткие повести" ("La presse libre", Париж, 1983) он пишет: "Среди уголовников были блатные (с таким теплом описанные Михаилом Деминым)". Жаль, что Консон не написал развернутую критику, а предпочел затерять свое замечание среди литературного текста. Попытаюсь поэтому разобрать мнение Консона на материале его же книги. Вероятно, нет сомнений в правильности описания Консоном лагерей: "Между блатной кодлой и охраной понимание было полное. Одни и те же наколки, один и тот же язык. Да иначе и быть не могло, ведь дело общее, только охрана снаружи, а остальную работу, то есть работу "изнутри", выполняли блатные. Мы были полностью отданы им". Очевидно, верно и другое сообщение Консона: "В то время блатной мир раскололся. Война шла между "суками" и "ворами" (ворами звали приверженцев старого воровского закона, а суками — реформистов)". Жаль, что Консон не разъяснил, в чем же состояла реформа воровского закона. Сошлемся поэтому на "Перекрестки" Демина: "Одна часть уголовников начала тогда активно

сотрудничать с властями, с тюремной и лагерной администрацией. Другая же (таких называли "законниками") объявила отступникам войну и прозвала их "суками". Впрочем, несколько раз Консон и сам "тепло описывает блатных". Например: "Был у нас вор. К нам, политическим, он испытывал нежную привязанность. Когда меня выпустили из изолятора, он первый ждал меня у ворот с куском хлеба".

Конечно, книга Консона — интересная и ценная, но она написана мазками, как у импрессионистов, и поэтому ее неровности несут следы не исследования, а впечатления или идеологического задания. Например — о положении в Израиле: "Я вас, бестактных и недобрых, все равно не любить не смогу. Чужака во мне увидели, но ведь и ваши отцы пришли так. Говорят, они идеалистами были. Откуда же у вас столько крысиной зависти, столько черного недоброжелательства?.. Злиться на меня зачем? Зачем же так, до остервенения? Думаете, я лгу себе и вам? Лгу, чтоб спрятаться от тоски?"

Однако, как мы уже указывали, в "Перекрестках" Демина блатная тема — не центральная. Вставные новеллы по истории и географии перебивают напряженный сюжет и рассказывают о коварной и опасной природе Якутии, об истории алмазов, о черном рынке и репрессиях... Эти главы не только точные, но содержат также малоизвестные факты. Например такое: "Зимней ночью, на окраине Москвы банда задержала машину, в которой сидело двое мужчин, не считая шофера, и какая-то пожилая женщина. Взмахнув маузером, Яков приказал им всем вылезти, однако стрелять не стал — как и все настоящие профессионалы, он привык применять оружие только в случае крайней необходимости. Эти же люди сопротивляться не стали. Они покинули машину, безропотно дали себя обыскать — и побрели через пустынную площадь, по сугробам, в лунном дыму... И только потом, просматривая документы, отобранные у пассажиров, Яков с изумлением понял, что в его руках был вожьд молодой Советской республики Владимир Ильич Ленин вместе с сестрой своей Марией Ильиничной и личным телохранителем Чебановым".

Особо следует отметить целый цикл легенд о Сталине. Первая легенда — о том, что Иосиф Джугашвили начал свою зрелую жизнь в качестве тайного агента *уголовной* полиции. Этим и объясняется его изначальное знакомство с преступным миром, все его наклонности, методы и приемы. Иосиф Сталин — молодой партиз — поначалу специализировался как раз на экспроприациях. Вторая легенда — в туруханской ссылке у Сталина была тайная таежная жена из семьи староверов и сын... А когда сын подрос, то стал свирепым жиганом,

ночным налетчиком. И его кличка Кобра обрела в Сибири большую известность. Змеиное это прозвище вполне соответствовало характеру парня: был Кобра ловок, лукав и абсолютно безжалостен — и в этом он явно походил на Иосифа. Сталина в годы подполья называли Кобой. И третья легенда — о войне с Гитлером. Война не застала Сталина врасплох — Коба знал все, но военное поражение его по-настоящему не пугало. Наоборот, где-то в тайниках, в глубине души, он наполнялся новыми надеждами... Старик уже начал уставать, он был болен страхом, ему вечно мерещились покушения и заговоры. И если бы новый немецкий порядок утвердился в России — он был бы только рад этому. Тогда бы он смог успокоиться...

Эта последняя легенда представлялась бы чистым фольклором, но, странным образом, в "Новом Русском слове" от 27. 2. 84 г. граф Н. Д. Толстой-Милославский публикует такие сведения: "Сталин больше всего боялся восстания внутри страны, и именно этот страх довлел над всем его мышлением... Сталин так думал, и в его союзе с Гитлером это объясняет многое. Все больше и больше поступает свидетельств, что Сталин боялся англичан и французов гораздо больше, чем немцев... Сталин также испытывал некое мазохистское удовлетворение, имея дело с таким человеком, как Гитлер, таким же беспощадным и властным, как и сам Сталин" (по еще одному совпадению в этом же номере "НРС" опубликована рецензия А. Бахраха на книгу Демина).

Нельзя не отметить здесь превосходный стиль книги Демина. Мне уже приходилось выше сослаться на Лермонтова — его влияние доходит до скрытых цитат. Например: "Понимать — это что! Это не главное. Главное — чувствовать... Ты, очевидно, не знаешь женщин". Или даже открыты: "Весной, как поется в одной старой песне, — звезда с звездой говорит". Кстати говоря, музыка вообще играет у Демина важную роль в развитии сюжета — мотивы подобраны с безупречным тактом: "Негромкая песня сочилась из стоявшей в углу радиолы, песня старая, памятная с дет-

ства: "Пара гнедых, запряженных с зарею...", или знаменитые строчки Окуджавы: "Транзистор был включен и выволакивал из своих глубин тягучую, надрывную песенку:

"Не верьте пехоте, когда она бравые песни поет..."

Замечу еще, что по живости и диалогичности "Перекрестки" близки к кино (Анатолий Путилин как-то заметил Демину, что по книге легко сделать сценарий, и Демин с этим согласился).

В заключение хотелось бы привести рассуждения героев книги об эмиграции и вообще о жизни. Эти рассуждения, хотя и неизбежно односторонние, представляют значительный интерес.

— Оказаться на чужбине одному, без семьи, без надежных друзей, не зная ни языка, ни обычаев. Ох нет, это страшно. Это — все равно, что умереть и потом заново воскреснуть — неизвестно где, когда и зачем.

— Был бы ты помоложе, ты бы рассуждал совсем по-другому...

— Ты же в Израиле будешь среди своих...

— При чем тут это?.. Мы бизнесмены, причем подпольные. И, хочу заметить, русские! Именно русские, несмотря на все национальные различия. И наш советский подпольный бизнес никак не совпадает с западным. И мы сами, по характеру, — тоже. Все наши дельцы кончали за границей плохо. Разорались, спивались, впадали в ничтожество. Потому что наши подпольные дельцы, в принципе, годятся не для того, чтобы там зарабатывать деньги, а для того, чтобы их тратить...

— Одним из главных законов бытия является так называемый "закон тельняшки" — то есть такой, когда белые полосы чередуются с черными... Причем черных полос, как правило, больше...

"Перекрестки судеб" автор закончил так: "А души умерших — в те таинственные края, где можно снова встретиться с давними друзьями, с родными, с предками... Со всеми людьми, навсегда покинувшими злой, неласковый этот мир".

Владимир РУДИНСКИЙ

СИЛЫ ТЬМЫ И СВЕТА

В основу новой книги Д. Панина "Созидатели и разрушители" (Париж, 1983 г.) положена идея, заключающая в себе, несомненно, некоторое зерно истины: о наличии в природе двух людских типов, охарактеризованных в самом начале сочинения, и об их отражении в русской истории.

Вряд ли, однако, трезво было бы прилагать данную схему к жизни чересчур букваль-

но и прямолинейно. Если мы допустим у человека свободу воли, то полученные им от Провидения способности он всегда может обратить по своему выбору на дело добра и зла.

Алданов говорил, не без основания, что большинство крупных русских ученых, да и вообще выдающихся людей, являлись в сущности умеренными консерваторами.

С другой стороны, если мы возьмем, например, двух самых больших поэтов дореволюционного периода, то из них Блок представлял доведенный до предела тип разрушителя, тогда как, Гумилев воплощал в себе ярко выраженного охранителя. Перейти к более ранней эпохе, — Некрасов был бунтарь, А. К. Толстой — либеральный консерватор с отчетливыми чертами созидателя. То же и в прозе: напрашивается противопоставление Л. Толстого и мучившегося подлинным светом правды, — не потому ли наделенного даром пророчества? — Достоевского.

Обращаясь же к интеллигенции технической, мы видим, что дело обстоит и еще куда сложнее: в мировом и русском масштабе мы встречаем талантливых специалистов с разными взглядами, от реакционеров до революционеров. Среди шестидесятников базаровского склада нетрудно бы назвать безусловно компетентных в своей сфере врачей, инженеров, педагогов и исследователей. Террорист Кибальчич был, по многим отзывам, изобретателем с проблесками гениальности.

Вопрос о служении добру или злу сильно запутывается тем фактом, что люди значение этих слов весьма по-разному понимают. Последовательных и сознательных служителей зла не так много; открытых и того меньше. Хотя они, может быть, и самые страшные. Да ведь и категория **бунтаря** или **лояльного гражданина** есть нечто не вполне определенное. Например, при таком строе, как большевистский, все порядочные люди оказываются в стане бунтарей и только последние отбросы — в лагере ревностных и законопослушных. Следовало бы, пожалуй, в ущерб простоте и наглядности, внести в картину дополнительные определения, вроде таких: подлинные созидатели и лжесозидатели, разрушители в чистом виде и химерические строители.

В остальном отметим несколько пунктов, по которым нам представляется трудным согласиться с автором. Неприемлемы, скажем, высказывания такого рода: "Властителем дум не следовало идеализировать русский народ. Напротив, надо было осудить его подлость и низость". Не лучше ли оставить подобные фразы всяким гарвардским профессорам? Будь наш народ таков, никакая деятельность созидателей вообще не имела бы смысла; и тем более она не могла бы принести столь ощутительный результат, какой налицо в истории России. Они, созидатели, дворяне, интеллигенция, тем и ценны были, тем и велики, что сублимировали и выражали главные черты того же народа. Разрушительные же тенденции во всякой массе, любого национального состава, всегда подспудно живут и при удобном случае катастрофически прорываются.

Еще более нельзя согласиться с резким отзывом Панина о православии. Как бы сло-

жились наши национальные судьбы, прими мы христианство от Рима, а не от Византии, мы не знаем (возможно даже и счастливее), но, во всяком случае, развитие нашей родины шло бы вовсе иначе тогда, и это не была бы та Россия, которая нам знакома, которую мы любим с ее неповторимыми культурой и традициями.

Наоборот, когда он защищает католичество от протестантизма, то во многом, если не во всем, прав; и недаром он тут (вероятно, случайно) перекликается порою с Честертоном, мыслителем оригинальным и умным.

Верны совершенно и наблюдения Панина над духовным оскудением, обмелением и замутнением современного Запада. Но, увы, за этими явлениями мы только в состоянии со скорбью следить, не находя пути активно в них вмешаться.

Любопытны суждения автора книги о западных демократических режимах. Приведем потому довольно длинную цитату: "Монархическая форма правления господствовала тысячи лет и оказалась наиболее прочной и испытанной. Ее достоинства обычно перекрывали недостатки. Демократия современного типа в США существовала благополучно в XIX в., при наличии на земном шаре 8-ми империй, отвечавших за порядок в мире". Далее же, констатируя происшедшие за последние десятилетия разрушения монархий, Панин делает довольно неожиданный вывод: "Демократия западного типа приемлема для предлагаемого мною Общества Независимых". Заключение сие, поистине, *wie aus der Pistole geschossen*. Всякому позволительно выбирать то, что ему больше нравится. Но ведь нам составитель сочинения только что показал и вновь показывает *in extenso* на следующих страницах вопиющие недостатки (и, в особенности, применительно к нашему времени, к переживаемому ныне миром моменту) демократической системы!

Откровенно признаемся, мы остаемся тут в известном недоумении... И анализ тех явлений западного мира, которые тут остроумно названы **антицерковью** и **словесным террором**, совсем нас не убеждает в пригодности и полезности **демократии** в теперешнем ее понимании; скорее уж — в совсем обратном!

Но, думаем, не с тем эта работа и написана (да равно и другие произведения Д. М. Панина), чтобы дать публике готовые, непреложные рецепты. А вот, если для того, чтобы поставить живые и важные вопросы, заставить читателей задуматься над творящимся сейчас в земном мире, побудить их с горячностью соглашаться с одними положениями автора и протестовать против других, — то тогда они своей цели непременно достигнут. И с этой точки зрения можно их всякому мыслящему человеку от души порекомендовать.

Е. БОГОЛЮБОВА

75-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ РОССИЙСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

*Будь готов, разведчик, к делу честному
Трудный путь лежит перед тобой...
Не страшись работы и опасности,
Твердо верь, что с Богом ты силен...*

Слова из гимна ОРЮР

В 1984 г. исполняется 75 лет со дня основания разведческого движения в России.

Олег Иванович Пантюхов, служивший в I Лейб-гвардии стрелковом Его Величества батальоне, в 1909 г., 30 апреля, в день батальонного праздника, гуляя с офицерами по парку в Павловске, увидел играющую группу подростков, рассказал им, как он с группой кадет Тифлисского корпуса (ныне Тбилиси) ходили по горам, ночевали в шалашах и готовили сами себе пищу.

Какого мальчика не заинтересует такая романтическая жизнь? Из желавших записаться в отряд О. И. Пантюхов отобрал для начала девять человек. Так в Павловске был основан отряд юных разведчиков, развернувшийся к концу года в Царскосельскую дружину.

Осенью 1909 г. по почину императора Николая II был издан перевод с английского книги Роберта Баден-Поуэлла "Юный разведчик", а весной 1910 г. появились дружина юных разведчиков в Москве (штабс-ротмистр Г. А. Захарченко) и легион юных разведчиков в Петербурге (учитель В. Г. Янчевецкий, основавший впоследствии и 2-й легион).

Первые годы в разных городах делались попытки создания отрядов юных разведчиков, но из-за отсутствия центра все эти попытки были безуспешными. К началу войны, в 1914 г., осталась только одна дружина — в Царском Селе.

Вскоре (8 сентября 1914 г.), благодаря хлопотам О. И. Пантюхова, был утвержден устав общества содействия юным разведчикам — "Русский скаут". Благодаря деятельности этого общества, к концу 1915 г. в 24 городах России велась или начинала вестись работа с юными разведчиками. В начале января 1916 г. в Петрограде был проведен Первый съезд по скаутизму. Молодежные организации, занимавшиеся только разведческой практикой и спортом, в результате военных событий превратились в национально-патриотическое движение. Скауты начали навещать и подбадривать раненых, помогать беженцам и семьям мобилизованных, утешать сирот.

Кровавая война и революция из беспечных и веселых мальчиков сделала борцов за свободу и за свою Родину. Многие из них, став юношами за эти годы, с оружием в руках

защищали свои идеалы и боролись в рядах Белой армии против зла, стремившегося захватить власть в свои руки. Многие погибли, но новые скауты пополняли поредевшие ряды.

Часть скаутов покинула Россию и очутилась в Константинополе. Среди них был и О. И. Пантюхов, который в марте 1920 г. возглавил скаутскую работу в эмиграции. Эта работа продолжается и по сей день во многих странах мира — всюду, где только есть русские люди, покинувшие свою родину.

Но не всем удалось бежать от коммунистической власти. Часть скаутов осталась в Советской России, и оставшиеся руководители продолжали работу с ними. Условия были тяжелые: террор, голод, полная неизвестность и безнадежность.

В октябре 1919 г. комсомольцы постановили распустить скаутские организации, но во многих городах работа не прекращалась, прикрываясь именем "юных коммунистов" или сокращенно — "юков". С основанием организации пионеров в мае 1922 г. комсомол усилил давление на соколов и скаутов, и осенью 1923 г. все скаутские отряды были расформированы. Большинство руководителей остались верными своим идеалам, поддерживали связь между собой, влияли на молодежь, укрепляя в ней веру в Бога и любовь к ближним в противовес атеизму. Окончательный удар по скаутизму в СССР был нанесен в 1926 г., когда было арестовано и сослано около тысячи старших скаутов и их руководителей.

За границей организация получила название Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков, сокращенно НОРС или НОРС-Р. Возглавлял ее Старший Русский Скаут О. И. Пантюхов, который поддерживал связь не только со всеми начальниками отделов, но и со многими руководителями. В 1929 г. О. И. Пантюхов принял участие во Всемирном джембори (слете) скаутов в Англии и посетил многие европейские отделы. Результатом поездки было создание Инструкторской части в Бельгии. В 1934 г. Инструкторская часть была перенесена в Болгарию, а в конце 30-х годов — в Югославию. Таким образом, Югославия стала центром организации. Благодаря этому после оккупации немцами Югославии и других европейских стран организация смогла уйти в подполье и не только продолжать, но и расширять свою работу. Так, в Германии, Польше и Сербии разведческая работа велась под прикрытием разрешенной немцами Национальной Организации Русской Молодежи — НОРМ.

После нападения Германии на СССР в июне 1941 г. открылся путь на Родину для некоторых членов НОРС-Р. Несколько человек нелегально пробрались на оккупированную немцами территорию, и таким образом в Пскове была создана при Православной миссии дружина молодежи, связанная с подпольной разведческой Инструкторской частью.

После окончания войны в Мюнхене, в 1945 г., состоялся Съезд руководителей юных разведчиков, целью которого было подведение итогов подпольного периода и оформление организации в новых условиях. Ввиду того, что связь со Старшим Русским Скаутом О. И. Пантюховым не была восстановлена, начальник подпольной Инструкторской части Борис Борисович Мартино был избран заместителем Старшего Русского Скаута на Европу, а организация приняла вместо названия НОРС-Р новое название — Организация Российских Юных Разведчиков — ОРЮР.

К сожалению, не все руководители согласились с переименованием, и получился

раскол, который длился до 1979 г., когда ОРЮР и НОРС снова объединились.

По сей день разведческая работа успешно ведется в Европе, Австралии и Северной и Южной Америке. Зимой проводятся сборы, а летом лагеря. Каждое соединение окормляется духовным руководителем (священником), и, проходя разряды, разведчики изучают Закон Божий, историю и географию России. Руководители стараются научить ребят любить Россию и гордиться тем, что они русские.

75 лет — большой срок для существования организации, в особенности не у себя на родине, а на чужбине, подчас в очень тяжелых и неблагоприятных условиях. Подводя итоги работы, радостно отметить, что разведчество продолжает существовать, привлекая все новых ребят. Дай Бог, чтобы и впредь, как поется в одной разведческой песне, горели наши "костры за Россию". Мы твердо верим, что наступит час, когда мы снова зажжем наши костры на родной земле, освобожденной от коммунистического ига.

В. ПИРОЖКОВА

ПАМЯТИ С. Л. ВОЙЦЕХОВСКОГО

21 января 1984 г. скончался Сергей Львович Войцеховский. Покойный был крупным и заслуженным деятелем русской эмиграции.

С. Л. Войцеховский родился 4/17 марта 1900 г. в Варшаве. Он успел окончить Могилевскую гимназию и сразу же принял участие в гражданской войне на стороне белых. С. Л. Войцеховскому удалось пробраться в Киев, где после вступления в Киев Добровольческой Армии он был назначен чиновником по особым поручениям при управлении главнокомандующего Киевской области генерала А. М. Драгомирова. Тогда же он стал работать как журналист в газете "Вечерние огни". Уже в занятом большевиками Киеве С. Л. Войцеховский работал в 1920 г. подпольно, распространяя антикоммунистическую литературу. Он участвовал в подпольном Союзе Освобождения России. В 1921 г. он пробрался сначала в Ананьев, а потом в Одессу. Несколько раз он еще побывал тайком в Киеве и, наконец, выбрался за границу. С. Л. Войцеховский поселился в Варшаве, где и жил до 1944 г.

С. Л. Войцеховский сотрудничал во многих русских газетах и журналах, издававшихся в различных европейских городах. Позже он стал сотрудником и польских газет.

В 1923 г. С. Л. сотрудничал с созданной чекистами якобы монархической организацией Трест. В этой организации обманулись вначале многие, обманулся и совсем тогда

еще молодой С. Л. Впоследствии он описал свой опыт в книге "Трест".

После похищения ген. Кутепова С. Л. отошел от конспиративной работы. В 1931 г. он стал членом правления и управляющим делами основанного в Варшаве Российского Общественного Комитета в Польше и оставался им до начала войны 1939 г.

В 1944 г. С. Л. самоотверженно помогал русским бежать из Польши, занимаемой советскими войсками. Хотя он сам уже добрался до Равенсбурга на Боденском озере, он еще раз с величайшим трудом вернулся в Польшу, именно в Краков, и помог выехать оттуда русским семьям. Пробравшись затем в оккупированную французами часть Австрии, С. Л. начал организовывать беженские комитеты, опять-таки, чтобы помогать русским, первой и второй эмиграции. Он несколько раз подвергался попыткам репрессий со стороны французских коммунистов, находившихся во французской военной полиции. Однако результатом этих попыток была чистка французской полиции от коммунистов.

В 1950 г. С. Л. уехал вместе со своей женой в США. Живя в Нью-Йорке, он сотрудничал в Толстовском фонде и писал во многих газетах и журналах. Уже под конец своей жизни стал он и сотрудником "Голоса Зарубежья". Несмотря на годы и болезни, С. Л. до последнего времени лучше, чем многие другие, понимал то, что творится в СССР, за

что некоторые органы русской эмигрантской печати отказались от его сотрудничества. Стремление создавать себе иллюзии неизбежно, но у покойного этого стремления не было. В лице С. Л. эмиграция потеряла достой-

ного, пронизательного и деятельного своего члена. Память о нем сохранится в эмиграции и будущей свободной России.

Вдове Сергея Львовича мы выражаем наше глубокое соболезнование.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

“Новый Журнал” № 153. Продолжение мемуаров Р. Гуля неожиданно уносит нас назад, в дореволюционную и революционную Россию: он пересказывает воспоминания графини Воронцовой-Дашковой (о Великом князе Михаиле Александровиче), Н. Саблина (о Царе с Царицею, о Распутине) и Л. Нагловского (о Ленине, Зиновьеве, Калинин). О себе он говорит мало, но интересно, рисуя стремительные перевороты в существовании русского эмигранта от бедности к процветанию. Только вовсе зря Гуль, справедливо выражая сожаление, что Михаил Александрович не воспользовался случаем бежать за границу, цитирует с сочувствием слова Бунина: “И как надоела всему миру своими гнусностями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая святая Русь”. Бунину-то такие фразы традиционно прощаются, он был enfant terrible, monstre sacre. А повторять их здесь — рискует вызвать протесты эмигрантов, у которых чувство патриотизма болезненно заострено (что и понятно).

Рассказ Ю. Кашкарова “Касимов” рисует, на фоне теперешнего советского быта, мелкого человека, до смерти пугающегося всяких осложнений и неприятностей и легко совершающего низости, не со зла, а из малодушия. Стоит ли о таких и писать? Из пушки по воробьям... Хороша только проходящая магической струей через все повествование старая песня:

Что затуманилась зоренька ясная...

Созданная современником Пушкина А. Вельманом, эта “Песня разбойников” быстро и прочно вошла в народ, сделавшись подлинным (и чудесным!) фольклором.

В отрывке из повести “Война без прикрас” Д. Аксельрод, на материалах второй мировой, описывает ужасы, вроде изуродованных трупов, ледяных окопов и пр. Мало нового для нас всех, читавших Ремарка, Дюамеля и Даржелеса, не говоря уж о Барбюсе; даже если кто своими глазами все то же и не видал.

И. Чиннов в стихотворной форме мечтает о юношах, прекрасных как павлины, и сообщает, что Нью-Йорк прогорк. Все бы ничего, только зачем он рифмует спасибо и небо!...

А. Опульский дает некоторые интересные

детали отношений между В. Гаршиным и Л. Толстым.

Крайне неприятное впечатление производит статья Р. Палия “Размеры зла”. Его защита Власовского Движения неудачна (вряд ли не вредна), а главное — несправедлива. Неверно, будто власовцы (в большинстве русские; Впрочем, этническая принадлежность тут не важна) желали разделения России и это их разъединяло со старой эмиграцией! Они как раз, как я мог лично убедиться во время и после войны, стояли за единство России. Декларации, составлявшиеся под вынужденным контролем немцев, об этом молчат по необходимости. А если даже (что сомнительно!) какие-то близкие ко Власову люди и хотели развала Российской Империи, их построения совершенно не соответствовали таковым вооруженной массы в целом, в ее рядовом и офицерском составе. В какой мере подобные устремления могли наблюдаться в национальных частях, не входивших в Р.О.А. Их можно бы обсуждать; но сие уж естественно — вопрос совсем иной. Несимпатичны, также и не новые, — но не слишком разумные! — насмешки Палия над старой эмиграцией, надеявшейся на возврат на родину. Без надежды жить нельзя; и что бы было тогда? Часть беженцев поддалась бы отчаянию, с самоубийствами, запоем, деморализацией; другая бы денационализировалась. Что ж бы тут хорошего? Надежда же была не столь и бессмысленна: вторая мировая могла обернуться иначе... Впрочем, те же надежды стала разделять потом и наша вторая волна, а теперь и третья.

Не радует на сей раз и исследование Н. Бернштама “Контроль рождаемости в СССР”. Стоит ли такому контролю сочувствовать? И без того славянская часть Советского Союза начинает вымирать; моральная же сторона подобных мер — под большим вопросом. Кроме того, кто знает? Население земного шара может подвергнуться в ближайшие годы столь катастрофическому уменьшению, что уцелевшим представителям рода homo sapiens придется думать всерьез не о сокращении, а о повышении рождаемости...

Е. Якобсон рассказывает о своей туристической поездке в СССР. Вот как она смотрит на обитателей Москвы: “Лица в толпе гру-

бые, фигуры приземистые, грузноватые. Это был как бы один тип людей — “выживенцы”... Коробит и отталкивает ее взгляд, лишенный любви и понимания, ибо в нем нет желания понимать! Если бы еще это писал настоящий американец... А то ведь всего лишь “русская американка”! Ну, да и настоящие-то американцы (согласно ее репортажу) хороши: “...Отказывается продавщица в магазине капризному покупателю сменить одни бусы на другие: уже выбит чек, по правилам — не полагается. А он не стесняется скандалить, угрожать; вызывает начальство, ставя бедную девушку в неловкое положение...” И здесь же жалобы на **хамство** по отношению к туристам! А это что, с их стороны, — не хамство?

“Грани” № 130. Мы поторопились радоваться избавлению журнала от вавилонского пленения очеризма. Новый обвал на него рухнул: в очередном номере **вовсе нету** ни художественной прозы, ни стихов! Из 286 — 174 страницы заняты воспоминаниями о февральском периоде. Оно бы допустимо в специальном органе какого-либо Исторического Общества, но отнюдь не в “журнале литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли”, каковым являются — или, по крайней мере, до сих пор являлись — “Грани”.

Н. Савич рисует слабых, неспособных и нерешительных людей, на беду России оказавшихся у власти (к которой настойчиво рвались) в те роковые дни. “Все иллюзии были разбиты, впереди мрак и позор”, — восклицает автор. Дорого обошлись России сии прогрессистские иллюзии! А. Тыркова-Вильямс отмечает: “Не низы толкнули, а низы потянули на революцию”. Правдиво констатируя о данных **верхах**, то есть, тогдашней левой интеллигенции: “Все они жаждали перемен, твердили, что дальше так жить нельзя” (а потом? а сейчас?). Грустно только, что она сама активно во всем том же участвовала... За дело сказал ей случайно встреченный крестьянин: “Какая была держава, а что вы с ней сделали...” Наиболее симпатичный из всех этих воспоминателей — С. Лучановский, честный, распорядительный офицер, захваченный врасплох революцией и в меру своих сил ей энергично противодействовавший. В номере нет **литературы**, но есть литературная критика в виде интересной, обстоятельной статьи А. Опульского о Лескове и, в частности, об его работе над переложением апокрифов. Отдел же “Публицистики” целиком занят исследованием М. Бернштама о контроле рождаемости — тем же самым, что и в “Новом Журнале”. Нужно ли было его публиковать сразу в двух местах? Что и вообще-то не рекомендуется...

Богаче и разнообразнее отдел библиографии. О рецензии А. Бахраха на книгу И. Одоевцевой “На берегах Сены” скажем, что она — образец того, как критику писать **не надо**. Он упрекает писательницу, зачем она обо всем рассказывает живо и увлекательно, — а не скучно!... Утешим рецензента: вдоволь имеется, — и дальше они выходят в свет, — скучных мемуаров (их бы ему и читать). Одоевцеву же стоит лишь поблагодарить за отличную по форме книгу. Пустые придирки — недовольство ее Зоила, для чего она передает разговоры в виде диалогов. Всякому ясно, что полной стенографической точности в таких делах требовать нельзя; и что употреблять здесь косвенную речь, значило бы заморозить и сделать неудобочитаемым текст. Вовсе непонятно, почему Есенин, хотя бы и подвыпив, не мог (как убежден Бахрах) процитировать латинской поговорки? Даже и считая его образование скудным (а не следует преувеличивать!), он годами вращался в среде интеллигенции; и нет ничего легче, чем перенять у окружающих несколько ходких фраз на иностранном языке. Рассуждение, что, мол, маловероятна встреча Одоевцевой с Цветаевой у Гингера и Присмановой, совсем неубедительно: реальная жизнь изобилует причудливыми совпадениями, отрицать которые а priori куда как нерезонно. Почитать судебную хронику или отчеты о громких уголовных делах (поскольку мемуаристам Бахрах принципиально не доверяет) — и на сколько натыкаешься курьезнейших стечений обстоятельств! А в данном-то случае ничего невозможного никак уж ведь и нет...

Еще более неосновательно берет Бахрах под обстрел указание поэтессы, что Г. Иванов по матери происходил из старинного голландского рода. Ведь она явно передает просто слова своего покойного мужа (и не отвечает, если тот путал или фантазировал), а потом — где доказательства противного? Вот кабы Бахрах показал **неправильность** подобного утверждения — совсем бы другой колленкор! Но он ничего не доказывает, а только брюзжит. Его-то вот собственные воспоминания о людях обычно полны злых наветов, неприличных и недостоверных сплетен... Слава Богу, Одоевцева более крупный, чем он, человек, пишет совершенно по-иному!

В эмоциональном импрессионистическом небольшом эссе О. Седаковой “Бронзовый век” есть оригинальные мысли, порою и верные.

Отчет М. Гроссена о выступлениях В. Солоухина в Швейцарии выдержан в холодноватом тоне, — словно бы речь не о таком известном и безусловно талантливом писателе! Притом, абсолютно неверно, будто творчество Солоухина **аполитично**. Напомним два его рассказа, напечатанные как раз в “Гранях”, впро-

чем, и в тех, что публикуются в СССР, постоянно напрашиваются весьма ясные политические выводы.

В конце номера сообщается, что редакторство переходит отныне к Г. Владимову. Сие наводит, по правде говоря, на сомнения. Руководителю эмигрантского журнала в первую очередь важно быть в курсе настроений и группировок Зарубежья, знать размеры талантов, историю, творчество, вкусы и убеждения наличных в ней писателей и публицистов, да также и публики. Лицо, свежеприбывшее из СССР, будь оно и семи пядей во лбу, такими сведениями обладать не в состоянии; так разумно ли на него подобную роль и вваливать?

“Русская Жизнь”. Выделяется превосходный по литературной форме и увлекательный по содержанию очерк В. Светольда “Случай в Африке”, далеко превышающий обычный уровень газеты. Отметим, помимо того, ряд больших исторических обзоров из давнего и сравнительно недавнего прошлого: воспоминания генерала Хольмстона о Власове, “Русская Америка” В. Петрова (жаль только, что автор не знает по-испански и все испанские фамилии, у него попадающиеся, безбожно исковерканы), “400-летний юбилей присоединения Сибири к России” Н. Федорова и др.

М. Перекрестенко, в пространном исследовании “Национальности России вчера, сегодня, завтра” применяет весьма шаткий метод: по наличию или исчезновению народных названий заключает о сохранении или вымирании народностей! На деле названия были в массе переделаны после революции (а в старой России они не всегда носили систематический характер), а иногда и затем (например, **ойроты** на **хакасы**). За советский период, как будто, ни одна национальность не перестала существовать (хотя многие подверглись тяжелым испытаниям), изменилась только номенклатура (не в политическом, а в техническом смысле слова). Сам автор употребляет названия без должной строгости, например, **нэнцы**, вместо **ненцы**, как всегда пишется. Или **летгальцы**, вместо **латгальцы**. Притом же латгальцы-то суть ветвь латышей, хотя и со своим диалектом. Столь же необоснованно и отделять **жмудинов** от литовцев; они — самые бесспорные и коренные литовцы. Перечислять порознь **адыгейцев**, **черкессов** (sic!) и **кабардинцев** тоже несообразно: они все вместе и суть черкессы. Особенно странно выглядит упоминание отдельно **мордвы** (в скобках дано **эрзя**) и **мокши**! Есть мордовский народ, делящийся по языку на две сходные ветви: эрзя и мокша. Если путать такие общеизвестные вещи — как можно братья за научную, пусть даже научно-популярную статью?! Не будем удлиннять список ошибок: их очень

много. Полагаем, хватит и приведенных нами образцов.

Жаль, что газета в целом столь же слабо разбирается в испанском языке, как и В. Петров. Досадно видеть Галлего вместо Гальего, Герардо вместо Херардо. И это в Калифорнии, где когда-то господствовали испанцы, и рядом с испаноязычной Мексикой!

“Вестник Р.Х.Д.” № 140 богат чисто литературоведческими материалами: письма М. Гершензона к В. Розанову, воспоминания Б. Кузина о встречах с Мандельштамом; короткая, но чрезвычайно содержательная заметка Б. Лосского о стихотворении Гумилева “Портрет мужчины”; некролог пера Н. Струве французскому слависту Пьеру Паскалю, опубликование двух ранних стихотворений Ахматовой. Сюда же надо отнести и этуод А. Пайман о стихах И. Карамова, про кои, прослушав их, Ахматова сказала: “А знаете — неприятные стихи!” (нам остается только согласиться с ее метким отзывом).

Превосходны проповедь о. диакона Владимира Русака и его письмо во Всемирный Союз Церквей.

Наоборот, глубокое возмущение вызывает предложение З. Шаховской, в статье “О либералах” отнять у второй и у третьей эмиграции имя **русской** и заменить его позорным словом **советская**! Наша новая, послевоенная эмиграция даже этнически была в подавляющей массе русской, идейно же на 100% **анти-советской**. Думаем, впрочем, что и для новейшей подобное переименование явилось бы оскорбительным. И, безусловно, невыгодным для всех трех, их разъединяя и ссоря. Но все это малоудивительно со стороны Шаховской: общеизвестна ее антипатия ко власовцам и ко второй волне в целом, о которой она, кажется, никогда и нигде доброго слова не сказала. Забавно, что себя она называет **гейматлосс**. Это по-каковски? Коли по-немецки, то 2 с совершенно излишни. В остальном, даже ее вывели из себя антирусские выступления ультралевых диссидентов типа Любарского, Эткинды и Синаевского (хотя этому последнему она прежде сильно покровительствовала, в том числе и в его антипушкинской кампании!). В запале у нее вырывается даже вполне дельное определение: “Все они не только нетерпимы к инакомыслящим, но еще и объединены анти-русским расизмом”. Можно бы ей посочувствовать; но... тут же она восхваляет **христианского** социалиста А. Краснова-Левитина, который право же ничем не лучше! Ну — на вкус и на цвет товарища нет...

“Континент” № 38. Признаюсь читателям: писать о “Континенте” — самая тяжелая часть моей работы! Хотя и есть журналы куда более противные (“Трибуна”, “Синтаксис”,

“Поиски и Размышления”). Но на данном органе лежит особый налет неискренности, деланности и претенциозности, порождающий трудно переносимую **скуку**. Оговариваюсь: обычно бывают исключения, проблески. Так и в разбираемом номере, — стихи И. Лиснянской не лучше прежних, но, как всегда, талантливы. Интервью, данное кубинцем А. Вальядаресом О. Свинцовой, заставляет видеть в нем нашего более или менее (и скорее **более!**) единомышленника: верующего христианина и убежденного антикоммуниста. Однако, Вальядарес сам уточняет, что “Континента” никогда не читал; вероятно, он и не понимает, с каким журналом имеет дело; не знает, что первоначально декларировавшиеся тут идеи религиозного и противокommунистического характера давно сданы редакцией в архив, давно выцвели и заменились чем-то радикально иным. Любопытно бы знать, **на каком языке** взято интервью? Верно уж не по-испански: о том свидетельствуют грубые искажения кубинских имен и местных названий.

Не лишен интереса очерк Л. Друскина о Ю. Рыхтеу, пишущем по-русски чукче, авторе романа “Время таяния снегов”. То, что сей последний здесь обрисован как бессовестный прислужник красного режима, нас не удивляет; мы помним и его атаки на Солженицына в гнусной большевистской агитке на английском языке “The last circle”, и его пропагандные прокоммунистические выступления в Канаде, зафиксированные в его сборнике “Под сенью волшебной горы” (Ленинград, 1974). Однако не совсем приятно пробивающееся, хотя и скрыто, у Друскина презрение к малым народам России вообще; мы к нему тут не можем и не хотим присоединяться. Оговорки требует и его заявление, что мол Рыхтеу всем обязан советской власти (это-то верно) и без нее был бы невозможен (вот это уж весьма спорно). В царское время многие инородцы, например, в том числе из среды якутов в той же Сибири, приобщались к русской культуре и литературе. Если до чукчей тогда еще и не дошло, то ведь с тех пор миновали десятки лет. И. Глиер старается доказать, будто в СССР народ поддерживает власть (это ложь); В. Валюс — будто жить на Западе не намного легче, чем под игом советов (это полуправда). Большинство прочих статей не заслуживают упоминания.

Никуда не годятся и рассказы. Литературно сильнее остальных Л. Корнев; но не внушает доверия его тенденция представить так, что чекисты в Советском Союзе перестали быть страшными. В. Нечаев и В. Денисов сочиняют оба невнятный и бессмысленный бред, достигающий предела у Э. Андиевской (у нее уж вовсе невразумительно, что и о чем рассказывается).

“Трибуна” № 5. Репортер парижской газеты “Монд” задал А. Синявскому щекотливый вопрос: “Кто любит Россию больше, вы или Солженицын?” Тот вертится как угорь на сковородке и старается отделаться казуистикой: “Тягаться в любви к родине смешно и безнравственно. Тем более — публично. Кричать о “патриотизме” меня отучила эпоха позднего Сталина”... В многоглаголании, как известно, несть спасения. Почему Андрей Донатович прямо не вспомнит, как он, — верно, от большой любви? — обругал Россию **сухой**? А что до смешения **русского** патриотизма с советским, сие есть насквозь бесчестная игра; и ужасно выгодная большевикам. Мы-то все, однако, разницу отлично ведь понимаем. Дальше, Синявский услужливо травит русский национализм (именуя его **матерым**) и тщится напугать им Запад. Между тем, похоже, что беседовавший с ним французский журналист смотрит на вещи умнее и трезвее, чем он сам.

Двусмысленна статья Чалидзе “Нас предали”. Он жалуется, что в среду правозащитного движения проникли-де “люди, готовые к какой-то темной политической игре, ищущие выхода накопившейся у них ненависти к властям”. Что же это, грех, — не любить советскую власть? А сам Чалидзе, значит, ее любит? Вряд ли он многих единомышленников найдет в русском зарубежье! Собственные его воззрения в корне порочны. Он верит в советские законы, ибо мол “никакое общество не может существовать без какого-то рода координационной деятельности и регулирования, и право — один из способов такого регулирования”. Все — сплошное пустословие. В том же номере “Трибуны” Д. Каминская назвала свою статью (об уголовном кодексе РСФСР) “Узаконенное беззаконие”. Данным словосочетанием следовало бы охарактеризовать и советскую систему в целом. Она любой закон изменит, как захочет, лишь только заметит, что он не соответствует ее интересам; а если не изменит, то просто нарушит. Кто ей помешает?

“Наши Вести” № 393. Выпуск посвящен главным образом войне в Афганистане. Наиболее интересное — описание несчастного положения советских военнопленных, попавших в Швейцарию, где их держат в полной изоляции и собираются передать в лапы большевиков. Нам сдается, русская эмиграция в целом должна бы громко протестовать против происходящего безобразия; удивляемся, почему этого не делается!

Кроме того, сообщается о разрушении вандалами памятника, воздвигнутого было в Лондоне жертвам ялтинского соглашения. Казалось бы, он бы должен был быть немедленно восстановлен? Однако — о том ни слова...

“22” № 32. Художественная часть вся бесприсветно плоха, хотя и с претензиями; включая огромную пьесу И. Бродского “Мрамор”. Интересен, — не с литературной стороны, а по положенной в основу идее — рассказ Л. Ицелова “Обзор печати”. Из него видно, что левые третьеволновники начинают сознавать возможность и даже вероятность восстановления у нас на родине монархии. Как выход из положения, автор предлагает сформирование в послесоветской России ведущего слоя, который он не обинуясь называет **дворянством**, исключительно из евреев. Думаем, что в столь прямолинейной форме проект вряд ли осуществим (пришлось бы ведь, все же, и у русского народа согласия спросить!); а вот то, что в данный класс (он ведь под тем или иным названием, всегда имеется) войдут наиболее выдающиеся представители **всех** народностей нашей великой Империи, в том числе, разумеется, и евреи, — это почти бесспорно.

Отметим в том же номере удивительно противные “Письма из Москвы” Ф. Лыкова, который злобно (и даже неостроумно) издевается над всеми национальными русскими ценностями: верой, традициями, литературой и искусством. Легко смеяться над чужим. У всякого русского человека, пусть и с самыми нелепыми взглядами, эта пропитанная ядом мазня ничего, кроме раздражения, не в состоянии вызвать.

Приятное исключение составляют живые и яркие воспоминания искусствоведки К. Пруслиной, “В поисках новых имен”, о ее встре-

чах в советских условиях с художниками и музейными работниками.

Pro domo sua. В. Кобылин. в “Русской Жизни”, выражает неудовольствие, что я пишу не о тех журналах и газетах, о которых, по его мнению, следовало бы. Остается его попросить сообщить мне список печатных органов, подлежащих разбору, и индекс подверженных запрещению. Если же он пришлет также и указания, что именно полагается про них говорить, то... Зачем мое посредничество и нужно? Охотно уступлю ему место.

Л. Келер на страницах “Нашей Страны” атакует меня с необычайной язвительностью и с полным отсутствием объективности. Я в той же газете, в статье “Продолжение спора”, позволил себе заметить, что в СССР люди предаются пьянству иногда потому, что не в силах примириться с тамошней жизнью, как она устроена режимом (вспомним в этой связи книгу В. Ерофеева “Москва — Петушки”). Келер — через какие недоброжелательные и деформирующие очки она читала?! — тут усматривает **призывы к пьянству**...

Могу только ответить, что я подсоветских людей всегда призывал к одному: собрать все силы и низвергнуть тяготеющий над ними гнусный, преступный строй. Что это нелегко выполнить, знаю сам, что мои призывы туда слабо доходят, имею все основания предполагать. Но вот впадать мне в уста фантастическую агитацию в пользу алкоголизма все-таки не следовало бы; оное действительности никак не соответствует.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В № 3 журнала “Посев” за 1984 год под рубрикой “КГБ в действии” напечатана статья А. Васильева “Об усилении активности КГБ против НТС”. В ней утверждается, что судебные процессы, состоявшиеся во Франкфурте-на-Майне в 1982 — 1983 годах, а) — были проведены НТС; б) — окончились запретом под угрозой штрафа или тюрьмы публиковать обвинения в “инфильтрации НТС советской разведкой”, КГБ и ЦРУ.

Те же утверждения (практически слово в слово) содержатся в редакционном комментарии к публикации “Два документа к истории СМОТ” на стр. 35 того же номера.

Поскольку я являлся одной из сторон в вышеупомянутых процессах, считаю необходимым заявить следующее:

- 1. Проводились они не НТС, а мной — в качестве истца.*
- 2. Они были направлены не против НТС как организации, но против двух частных лиц: председателя НТС Е. Р. Романова (Островского) и ответственного секретаря редакции “Посева” М. В. Назарова (Пахомова), пытавшихся в судебном порядке пресечь расследование подозрений об их связях с советской военной разведкой (ГРУ).*

Дело не было направлено против НТС по двум причинам: во-первых, пробыв членом этой организации в течение 30 лет, я хорошо знаю, сколько честных и порядочных, но обманутых людей в ней работало и работает; я никогда не позволил бы себе оскорбить их даже отдаленным предположением предательства с их стороны. Во-вторых, — и это важно, ибо очень мало кому известно, — НТС нигде не зарегистрирован, стало быть, он не является юридическим лицом, и никакой процесс против него невозможен.

3. Суд ФРГ второй инстанции (1983 г.) нашел недостаточно обоснованными обвинения в сотрудничестве Романова и Назарова с советской разведкой за отсутствием прямых улик, но признал конституционным мое право вести сбор материалов по данному делу, а также необхо-

димось доводить результаты до сведения общественности — с условием, что они будут изложены не в форме прямых обвинений, но подозрений.

“Угроза штрафа или тюрьмы”, таким образом, имеет отношение к нарушению решения суда, а не к праву на интерпретацию и квалификация как подозрительных действий вышепоименованных лиц, если эти действия мне таковыми представляются на основании определенных фактов.

4. Говоря об инфильтрации НТС вражеской агентурой, я не имел в виду ЦРУ.

5. В статье А. Васильева (глава “Черная пропаганда”, стр. 49) сказано, между прочим, следующее: *“Особенно активной клеветой против НТС в последние годы занимается небольшой круг лиц (в основном недавно эмигрировавших из СССР)... У каждого из них свои личные причины выступить против НТС (кого-то приняли в НТС, а потом исключили за недостойное поведение, кому-то вообще отказали в приеме в организацию). Но объединяет их всех — неутолимое политическое честолюбие и неприятие российской национально-государственной платформы НТС, ориентированной на религиозные ценности”.*

Я хотел бы напомнить, что первые подозрения о проникновении в ряды НТС советских агентов (в частности, это касалось Е. Р. Романова) принадлежали отнюдь не третьей эмиграции, а основателям НТС из первой. Подозрения эти разделялись многими десятками, а то и сотнями людей, работавших в нем не за страх, а за совесть, но в конце концов с ним порвавших по причине этих подозрений.

Что касается третьей эмиграции, то ее отношение к НТС складывается в результате определенных действий организации внутри страны, расцениваемых многими как провокационные. Таким образом, у этих сомнений есть своя история — и совершенно разные источники: первый за пределами страны, второй — внутри нее. Сомнения эти, как видите, возникли в разное время и у людей разных поколений независимо друг от друга.

Юрий Чикарлеев

16 марта 1984 г., Бад-Гомбург, ФРГ

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

В дополнение к весьма интересной статье Н. Воейкова “Правда о Московской Руси” позволю себе заметить, что *“история заклемила Грозного за его жестокости”* с достаточными к тому основаниями и что несомненная жестокость многих европейских правителей той же эпохи не перечеркивает жестокости Грозного. *“Неприкосновенность же личности, существовавшая в Московской Руси Ивана IV”*, нарушалась последним произвольно и систематически. Обоснованно высоко оценивая законодательство Московской Руси (по сравнению с тогдашним западным), автор упускает из виду игнорирование Иваном IV собственного законодательства, что искажает картину.

Дора Штурман

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
 Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
 Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

ДМИТРИЙ ПАНИН
СОЗИДАТЕЛИ И РАЗРУШИТЕЛИ

Париж 1983 г.
Приложение к журналу "Le choix"

A. D. P. B. P. 79 75762 Paris cedex 16

ЮРИЙ ВЕТОХИН
СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

Copyright 1983 by Yurii Vetokhin

Купить можно по адресу:

Mr. Yurii Vetokhin
P.O.Box 16084
San Diego, Ca. 92116

Цена 20 долларов

D. KONSTANTINOW
STATIONS OF THE CROSS
THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

1970–1980

Price \$ 10

Zaria Publishing Inc.

73 Biscay Road
London, Ontario, Canada N6H 3k8

ДОРА ШТУРМАН
О РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, ТЫ УЖЕ ЗА ХОЛМОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЭРМИТАЖ"

160 стр. Цена 8.00\$

Новая книга Д. Штурман объединяет ее статьи, посвященные проблемам сегодняшней — и завтрашней — России. Почти каждая статья построена в виде развернутого комментария или критического анализа книг тех авторов, мнения которых вызывают сейчас наиболее горячую полемику: Солженицына, Сахарова, Синявского; Зиновьева, Чалидзе, Хедрика Смита, Буковского, Померанца и др.

